Е. ФОКИН

ГИ46
Ф773

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ГИ46
Ф773

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП /б/ 1937

ГИЧБ р
ф 773

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Е. Ф О К И Н

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

1 экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
4 24

ГИ46
Ф773 р

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ Ц.К.В.К.П.(б)
69303.У

18
37

Двенадцатого марта 1937 г. народы Советского Союза в условиях новой Сталинской конституции, знаменующей победу социализма в нашей стране, отмечают двадцатилетие свержения самодержавия.

Двадцать лет тому назад рабочие и крестьяне под руководством большевистской партии свергли самодержавие, столетиями угнетавшее нашу родину.

Февральская буржуазно-демократическая революция была прологом Великой пролетарской революции в СССР.

Период от февраля до октября 1917 г. представляет исключительный по богатству опыт героической борьбы большевистской партии за массы под руководством Ленина и Сталина, опыт мобилизации и организации масс на борьбу за пролетарскую социалистическую революцию.

> «Период этот сравнительно недолгий,—говорит товарищ Сталин,—всего восемь месяцев,—но эти восемь месяцев, с точки зрения политического просвещения и революционного воспитания масс, смело могут быть поставлены на одну доску с целыми десятилетиями обычного конституционного

развития, ибо они означают восемь месяцев *революции*»[1].

Двадцатилетие, отделяющее нас от Февральской революции, является блестящим доказательством гениальности ленинского плана подготовки Октябрьского штурма—Великой Октябрьской социалистической революции, неоспоримым доказательством победы марксизма-ленинизма.

Народы Советского Союза под развернутым знаменем ленинизма, под руководством ленинско-сталинской партии и своего вождя и учителя великого Сталина *незыблемо* и *бесповоротно* закрепили в нашей стране строй социализма.

Из страны экономически отсталой, со слабо развитой промышленностью, с мелкособственническим, распыленным и отсталым крестьянским хозяйством, Россия превратилась в исторически короткий срок в великую и цветущую социалистическую державу. Индустриализация и коллективизация до неузнаваемости изменили лицо нашей страны. Впервые в истории многомиллионным массам трудящихся обеспечена возможность культурной, зажиточной, счастливой жизни.

Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина в огне гражданской войны отстоял свою родину против капитализма, отразив вооруженное нападение белогвардейцев и иностранных интервентов.

Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина разгромил и уничтожил эксплоататорские классы в своей стране. Он беспощадно сметает с своего пути всех, кто осмеливается мешать победоносному шествию социализма.

Ни троцкистским бандитам, ни правым отщепенцам,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 38, изд. 10-е.

ни их фашистским хозяевам не удастся повернуть историю вспять, не удастся отнять у советского народа то, что ценой величайших жертв им добыто и завоевано.

Страна победившего социализма тверда и непоколебима, как никогда. Сметая всех врагов, она идет под знаменем великой Сталинской конституции, под водительством Сталина вперед—к коммунизму.

МИРОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В середине 1914 г. началась мировая империалистическая война. Миллионы трудящихся—рабочих и крестьян, в первую очередь великих держав—Англии, Германии, России и Франции, были брошены на поля сражений. За этими великими державами, «разбойниками на большой дороге»[1], постепенно втягивались в истребительную, кровавую бойню и другие «великие» и «малые» государства.

Крупнейшие капиталистические государства разделились на две враждебные группы: Франция, Англия и Россия, с одной стороны, а с другой—Германия, Австрия и Турция. К каждой из сторон примкнули еще другие капиталистические государства мира.

15 июля 1914 г. Австрия объявила войну Сербии. 19 июля Германия объявила войну России, затем Франции. 23 июля Англия объявила войну Германии. Через неделю вся Европа была охвачена войной. Эта мировая истребительная война была порождена империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за колонии, за порабощение других наций, за выгоды и привилегии на мировом рынке. Это была, писал Ленин,—

«...самая реакционная война, война современных

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 281.

рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства»[1].

Россия была втянута в войну царем и капиталистами, а также ее союзниками—Англией и Францией.

Россия была фактически полуколонией англо-французского империализма. Не менее 10 млрд. франков было помещено Францией в России; в руках французского капитала находилось 55% добычи железа, 74,3% добычи угля и 18,5% добычи нефти в России; 44,5% добычи нефти в России находилось в руках англо-французских компаний.

Во время войны полуколониальная зависимость России еще более усилилась. Долги России союзникам за время войны возросли почти вдвое по сравнению со всей предыдущей задолженностью: с 4 066 млн. до 7 745,9 млн. руб. Предоставляя кредиты на войну, английские и французские банкиры выкачивали золото из России. Народные же массы по воле царя и буржуазии расплачивались своей кровью и жизнью на полях войны.

Вступление царской России в мировую войну объясняется, однако, не только полуколониальной ее зависимостью от англо-французского империализма,—и царизм и русская буржуазия преследовали в мировой войне свои империалистические цели.

Капитализм в России еще в начале XX в. вступил в стадию империализма, но развитие империализма в России проходило в условиях господства помещиков-крепостников. Буржуазия, играя ведущую роль в экономике страны, не управляла страной политически.

«Буржуазия не очень спешила разрешить это противоречие между своей экономической мощью и политическим бессилием. Не в ее интересах была решительная

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 182.

борьба с самодержавием. За спиной буржуазии стоял уже оформившийся как класс пролетариат. Обогащенный опытом революции 1905 года, пролетариат шел к новой борьбе под руководством ленинской партии большевиков. Взять власть в свои руки, отстранив самодержавие, для русской буржуазии означало остаться с глазу на глаз с рабочим классом. 1905 год уже показал, чем может окончиться такое единоборство. Самодержавие с его военно-полицейским аппаратом служило надежным прикрытием для буржуазии от нападений пролетариата»[1].

Буржуазия давно мечтала о захвате новых рынков и колоний, и начавшаяся война полностью отвечала ее интересам; политика же русских царей всегда была политикой грабительских захватов и завоеваний.

Русский царь Николай II вступил в империалистическую войну, преследуя захват Константинополя, Турецкой Армении и Галиции.

Николай II еще весной 1914 г. в одной из своих бесед с английским послом в России Джорджем Бьюкененом заявил, что, если проливы не будут открыты мирным путем, он не остановится перед тем, чтобы открыть их силой.

Несколько позже, уже в разгар войны, в 1915 г. министр иностранных дел Сазонов писал Николаю II: «Тот, кто завладеет проливами,—получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах». Стремление овладеть ключами от морей составляло одно из основных звеньев империалистических планов царизма и русской буржуазии.

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 13, Огиз, 1936 г.

Захватнические замыслы русского царизма полностью отражали чаяния и надежды крепостников-помещиков и буржуазии. Недаром в отчете фракции кадетской партии IV Государственной думы мы находим ясное изложение целей начавшейся в 1914 г. империалистической войны. «Главной национальной задачей в этой войне,—говорится в отчете,—является приобретение проливов и Константинополя... Приобретение проливов есть завершение органического роста государства... окончательное разрешение нашей вековой национальной задачи—выхода к свободному морю, без которого не могло быть закончено строение великого государственного организма»[1].

Но русскую буржуазию привлекали не только Дарданельский пролив и Константинополь – ее захватнические аппетиты направлялись и на Запад.

Представитель буржуазии Ковалевский, выступая в Государственной думе, заявил: «Обращая взоры на Запад, мы твердо уверены, что Червонная Русь, Русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России и тем завершится историческое дело великого собирания русской земли... под скипетром русского царя»[2].

На основе этой программы захватов на Востоке и Западе объединились царь, помещики и буржуазия. Начатая ими война еще теснее и крепче связала в один кровавый узел их интересы.

Войной царское правительство и буржуазия стремились не только приобрести новые рынки и территории, но пытались приостановить, задушить нараставшее революционное движение.

---

[1] Отчет фракции «Народной свободы», стр. 7—8.

[2] Стенографический отчет III сессии IV Государственной думы, стр. 39—40.

Широкое забастовочное движение в начале 1914 г., переросшее накануне войны в баррикадные бои рабочих с самодержавием и буржуазией, рост крестьянских волнений не на шутку встревожили царское правительство и буржуазию. Боясь повторения революции 1905 г., царское правительство и буржуазия войной хотели предотвратить угрозу революции.

В России манифест о войне был опубликован 20 июля 1914 г. Объявленная царем Николаем II мобилизация запасных еще не кончилась, а на полях Восточной Пруссии уже шли первые бои русских войск с немцами. Россия, так же как и другие великие державы (Англия, Германия), давно готовившаяся к войне, оказалась, однако, технически к ней мало подготовленной.

О том, насколько подготовлена была русская армия к войне, говорят следующие факты. Россия вступила в войну, имея 850 снарядов на орудие, что не составляло даже четверти нормы французской армии. Во все годы войны армия располагала около 8 млн. винтовок, притом нередко устаревшего образца, при действительной потребности в 17 млн. винтовок. Таков был итог длительной подготовки царского правительства к войне—подготовки, на которую было израсходовано в течение семи лет перед войной свыше 5 млрд. руб.

Неподготовленная русская армия была брошена в наступление в Восточную Пруссию для того, чтобы спасти положение на Западе, где германские войска уже приближались к Парижу.

Не только наступление в Восточной Пруссии, но и целый ряд других наступлений во время войны был предпринят царскими генералами по прямому требованию союзников и являлся выполнением заключенных Николаем II военных договоров с Францией и Англией.

Наступление в первые же дни войны дорого обошлось царской армии. 20 тыс. убитых и 90 тыс. пленных, потеря всей артиллерии—таковы были итоги первых дней войны.

Так началось чудовищное истребление рабочих и крестьян, продолжавшееся в течение четырех лет. О размерах мировой войны, о ее кровавых итогах говорят сухие, но жуткие цифры. За время мировой империалистической войны было убито 10 млн. человек—это количество *зарегистрированных* убитых. Количество пропавших без вести было немного меньше количества убитых—9 963 600 человек, легко раненых—14 000 099 человек и умерших от эпидемий, развившихся в результате войны,—10 млн. человек. Таковы кровавые итоги затеянной империалистами мировой бойни.

Манифест царя о войне, как и начало войны русская буржуазия приветствовала патриотическими шествиями, колокольным звоном. Буржуазные газеты заполнялись верноподданническими статьями о верности «народа» престолу и заклинаниями о «единении царя с народом». На заседании Государственной думы 26 июля буржуазия устроила верноподданническую демонстрацию своей преданности престолу и поклялась «верой и правдой» защищать отечество.

В патриотическом экстазе Керенский «от имени российской демократии» заверял буржуазию: «Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру».

Патриотизм буржуазии подогревался не только тем, что война сулила ей «завершение собирания русской земли», но еще и теми многомиллионными барышами и прибылями, которые буржуазия получала от выполнения

военных заказов. Миллионы рублей военной прибыли широким потоком текли в карманы буржуазии, увеличивая ее экономическую мощь и... патриотизм. Так, по данным «Вестника финансов, торговли и промышленности», прибыль по 60 предприятиям выразилась в процентах по отношению к 1913 г.:

Годы	Основной капитал	Военная прибыль	Дивиденд
1914	108,7	76	85,3
1915	110,8	188	132,0
1916	116,9	297	200,0

Накопление прибылей на войне за счет разорения рабочих и народных масс всячески скрывалось буржуазией. Однако, как говорит народная пословица, «шила в мешке не утаишь»: даже те официальные отчеты, которые некоторые предприятия публиковали в газетах, показывали, какие огромные выгоды извлекала буржуазия из войны.

По подсчетам этого же «Вестника финансов, торговли и промышленности», только по 142 наиболее важным текстильным предприятиям прибыль капиталистов возросла с 60 млн. руб. в 1913 г. до 174 млн. в 1915 г. Льняная промышленность получила в 1915 г. втрое больше прибыли, чем до войны.

За 1916 г. Сормовское акционерное общество получило чистой прибыли 10 550 666 руб., при основном капитале в 15 млн. руб. Страховое общество «Волга», имевшее основного капитала всего один миллион, получило за тот же год 1 657 161 р. 55 к. чистого дохода. За 1915/16 г. Тульский меднопрокатный завод получил чистой прибыли 15 510 тыс. руб., а Южнорусское днепровское металлургическое общество—12 110 тыс. руб., что намного превышало основные капиталы этих

предприятий. В то же время снижался процент налога в отношении к валовой прибыли. Таким образом, трогательное единение буржуазии с царизмом сопровождалось огромнейшими барышами от войны.

Между тем, на фронте дела шли далеко не так блестяще, как этого хотелось бы империалистической буржуазии. После некоторых первоначальных успехов в Восточной Пруссии (взятие Львова, Перемышля в Галиции, оттеснение до Эрзерума турок, воевавших на стороне Германии) русские войска вынуждены были сдать все захваченные ими позиции. В течение нескольких месяцев 1915 г. царская армия отдала противнику ряд крупнейших стратегических и экономических пунктов. Так, в апреле 1915 г. немцы заняли Либаву, и под угрозой падения была Рига; в течение июля немцами были захвачены все русские крепости в Польше, а 23 июля занята Варшава; не только Польша, но и значительная часть Литвы была занята немцами.

Внутри России, несмотря на некоторое кратковременное «процветание» промышленности в результате ее приспособления к военным потребностям, все острее ощущался нарастающий всеобщий народнохозяйственный кризис. Продукция основных отраслей промышленности с каждым новым месяцем войны резко падала, и особенно производство металла и угля неуклонно катилось вниз. «Предприятия, не работавшие на оборону», в 1916 г. сократили производство на 21,9%, но вскоре прекратился подъем и оборонной промышленности, главным образом из-за недостатка топлива и металла.

Через два года после начала войны добыча угля в Донбассе с трудом держалась на довоенном уровне, несмотря на увеличение рабочих с 168 тыс. в 1913 г. до 235 тыс. в 1916 г. До войны месячная добыча на

одного рабочего в Донбассе составляла 12,2 тонны, в 1915/16 г.—11,3, а зимой 1916 г.—9,26 тонны»[1].

Наряду с недостатком угля сказывался и недостаток металла. «В 1916 г. потухли 36 доменных печей... К концу 1916 г. заводы давали только половину металла, необходимого для оборонной промышленности»[2].

Но особенно ощутительно в стране чувствовался топливный голод. Из-за недостатка топлива останавливались заводы и фабрики, сокращалась выпечка хлеба, а население городов совершенно лишалось возможности приобретать топливо, необходимое для домашнего обихода.

Война обострила положение и в сельском хозяйстве. Каждый год войны приносил новые бедствия деревне, которые еще с большей силой подчеркивали невозможность выхода из непрерывного кризиса сельского хозяйства без уничтожения помещичьего землевладения—этого оплота крепостнической кабалы основных масс крестьянства. Непрерывные мобилизации в армию разрушали не только хозяйства крестьян—бедняков и середняков, но сокращали и самое помещичье хозяйство, отрывая от него рабочую силу. К началу 1917 г. в армию было взято 47% из общего числа трудоспособных мужчин[3].

Непрерывное увеличение налогов, выплата царской Россией союзникам процентов по военным займам, составлявших ежегодно сумму в 500 с лишним миллионов рублей, выкачиваемых в значительной части из основных масс крестьянства, усугубляли процесс разорения и обнищания деревни. Война резко сократила площади посевов в деревне. В 48 губерниях Европей-

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 38, Огиз, 1936 г.

[2] *Там же*, стр. 41.

[3] Россия в мировой войне, стр. 22, изд. ЦСУ, Москва, 1925 г.

ской России было засеяно за годы войны: в 1914 г.— 73,1 млн. десятин, в 1915 г.—71,5 млн. и в 1916 г.— 66 млн. десятин земли.

Вместе с сокращением посевных площадей систематически понижались и урожаи. В деревне нехватало не только рабочих рук, но и рабочего скота. Война забирала и пожирала не только людей, но и крестьянских лошадей. Так, до 1 января 1917 г. в армию было взято 1 804 800 лошадей [1].

В 1916 г. из Курской губернии писали: «Уборка идет несвоевременно, зерно осыпалось, качество его неудовлетворительно, и посевы озимых произведены на недостаточно удобренной почве».

В сообщении из Могилевской губернии говорилось: «Хозяйство переживает крайне трудное время; уборка затянулась до поздней осени, местами часть хлеба осталась неубранной».

Из Подольской губернии сообщали: «Сильно затянулся сев, затруднения с копкой корнеплодов; семенного клевера никто не успел собрать, и до декабря он стоял на полях в копищах, на покосах, а то и на корню; вспашка для подготовки к предстоящим весенним посевам яровых почти не сделана, озимь посеяна на скорую руку, возделать почву как следует было невозможно; урожай озимых проблематичен. Все сельскохозяйственные орудия переломаны за последние 2½ года, и некому и нечем их исправить».

О таких же фактах сообщали из Киевской, Харьковской, Уфимской, Саратовской, Симбирской, Астраханской и Полтавской губерний.

Наряду с неудовлетворительной уборкой хлебов происходило резкое снижение урожая.

---

[1] Россия в мировой войне, стр. 22, изд. ЦСУ, Москва, 1925 г.

Несмотря на то, что в 1916 г. был сравнительно высокий урожай, удалось собрать лишь 3 700 млн. пудов хлеба. Армия в 1916 г. поглощала около 50% всего товарного хлеба. Хлебный наряд на армию выражался в этом году в 600 млн. пудов. Царским правительством в 1916 г. была введена по 21 губернии хлебная повинность. Предполагалось собрать по повинности свыше 500 млн. пудов, но удалось собрать только 170 млн. пудов хлеба.

Развал хозяйства царской России особенно ярко проявился на транспорте. Транспорт, и особенно железнодорожный, не справлялся ни с перевозками войск и военного снаряжения, ни с перевозкой коммерческих грузов. Несмотря на имеющиеся запасы хлеба в производящих районах, этот хлеб в силу разрухи на транспорте не мог быть переброшен в районы потребления, и в стране с каждым новым месяцем войны все острее чувствовался продовольственный кризис. Цены на хлеб к 1916 г. возросли втрое.

Развал транспорта, парализовавший всю хозяйственную жизнь страны, наиболее ярко отражал не только крах самодержавия, но и кризис капитализма. Это должен был признать такой матерой буржуа и верноподданный слуга царского престола, как председатель Государственной думы Родзянко. В своей докладной записке Николаю II он писал: «Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое...

В тылу идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь, весь беспримерный героизм».

Развал хозяйства с каждым днем ухудшал положение трудящихся, рабочих и крестьян. Рабочим и крестьянам—беднякам и середнякам—война была не нужна.

Война всей своей тяжестью обрушилась на их плечи. Против своей воли шли они на фронт, по принуждению сражались за интересы своих классовых врагов—помещиков и капиталистов, на себе выносили всю тяжесть длительной и невиданной по количеству жертв бойни. Солдаты на фронте, рабочие и крестьянские массы в тылу жаждали мира, но, как кончить истребительную и изнурительную войну, они не знали. *Единственный выход из войны—революционный выход указала им партия Ленина—Сталина, партия большевиков.*

С первых же дней войны партия большевиков под руководством Владимира Ильича Ленина в исключительно тяжелых условиях развернула борьбу за революционный выход из империалистической войны—за превращение ее в войну гражданскую. Еще в сентябре 1914 г. Ленин в «Тезисах о войне» указывал, что нужна

> «...всесторонняя, распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»[1].

Широко пропагандируя лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, большевики конкретно указывали, что нужно делать: нужно рабочим всех воюющих стран добиваться поражения «своего» правительства в войне.

> «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству»[2].

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 46.
[2] *Там же*, стр. 169.

Инв. № 69303.

БИБЛИОТЕКА

Лозунг поражения своего правительства явился *ведущим* в большевистской тактике во время империалистической войны.

Ленин указал конкретную программу революционных действий во время войны:

> «...1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех *всех* этих шагов,—говорил Ленин,—*неминуемо* ведет к гражданской войне»[1].

Большевики, объявленные вне закона, преследуемые царским правительством, развернули революционную работу и в армии и в глубоком тылу. Они создавали и всячески укрепляли нелегальные партийные организации на заводах и фабриках, в частях армии и на судах военного флота, проводили забастовки и демонстрации против войны. В своих воззваниях и листовках к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам большевики вскрывали империалистический, захватнический характер войны, разъясняли, что кровавая, истребительная бойня ведется в интересах царизма и буржуазии, вели революционное разложение армии, призывали солдат русской армии к братанию с солдатами враждебных империалистических армий.

Они поддерживали и активно руководили всеми революционными выступлениями масс, которые ослабляли царизм и приближали день его свержения. *Большевистская партия была единственной партией, которая боролась до конца против империалистической войны, вела подготовку масс к революции.*

Правительства воюющих империалистических госу-

---

[1] *Ленин;* т. XIX, стр. 188.

дарств призывали народные массы жертвовать своей кровью и жизнью. Каждое правительство стремилось одурачить массы, убеждая их, что оно, мол, вынуждено защищаться и обороняться от нападающего на него врага. Царское правительство изображало дело так же, что оно войны не хочет, что другие страны хотят поработить «нашу» страну, «наш» народ и т. д.

Истинные причины войны, длительная подготовка к ней империалистических государств всячески скрывались.

Обманывать и одурачивать народные массы помогали буржуазии социал-демократические вожди II Интернационала. Когда разразилась империалистическая, захватническая война, вожди II Интернационала оказались изменниками и предателями интересов рабочего класса и трудящихся. Они открыто перешли в лагерь буржуазии своей страны. Германские, французские и английские социалисты стали на позицию оборончества, проповедуя классовое сотрудничество и буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты «своего» отечества. Вместе со своей буржуазией вожди II Интернационала уверяли массы в необходимости защиты отечества, каждый из них в своей воюющей стране доказывал, что, мол, «на нас нападают, мы защищаемся».

Русские меньшевики, так же как и их близнецы—французские, германские, английские и бельгийские социалисты, с первых же дней войны тоже стали на позицию защиты «своего» отечества—оборончества. Лозунг русской буржуазии «война до победного конца» стал лозунгом меньшевиков и других мелкобуржуазных партий в России. Известный русский меньшевик Плеханов в первые же дни войны поучал своих единомышленников: «Было бы крайне печально, если бы наши единомышленники помешали делу самообороны русского

народа каким-нибудь необдуманным шагом. Голосование против кредитов (речь идет о кредитах на войну.— *Е. Ф.*) было бы изменой по отношению к народу, а воздержание от голосования было бы трусостью. Голосуйте за»[1].

Только большевики, разоблачая империалистический характер мировой войны, вели в годы войны настойчивую и последовательную борьбу с социал-шовинизмом и центризмом вождей II Интернационала. Центристы, эти прикрытые оппортунисты, вместе с откровенными оборонцами помогали буржуазии. Центристами в Германии были Карл Каутский, Ледебур и др., во Франции—Лонге, в Англии—Макдональд, Сноуден, в Австрии—Виктор Адлер, а в России возглавлял центристов Троцкий. По всем вопросам, возникавшим во время войны, центристы поддерживали оборонцев, маскируя свою поддержку революционным фразерством. Политика центристов—Каутского, Троцкого и других была в отношении трудящихся масс вреднее и подлее политики даже самых откровенных оппортунистов из оборонческого лагеря. Характеризуя политику Каутского и Троцкого и самый центризм, Ленин писал:

> «Центр»—царство добренькой мелкобуржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле»[2].

В годы империалистической войны Троцкий, так же как и во весь предшествующий войне период, начиная с момента создания большевистской партии в 1903 г., занимал враждебные большевикам и Ленину позиции.

---

[1] Из письма Плеханова депутату Государственной думы Бурьянову.

[2] *Ленин*, т. XX, стр. 125.

По всем основным вопросам социалистического рабочего движения и вопросам войны большевикам пришлось вести борьбу с международным оппортунизмом, русскими меньшевиками и Троцким.

Троцкий выступал против лозунга Ленина и большевиков о поражении царского правительства в войне. «Троцкий говорил, что поражение России означает победу Германии. При этом он грубо извращал лозунг Ленина, скрывая, что Ленин выдвигал данный лозунг не только для русских революционеров, но и для революционных партий рабочего класса всех стран»[1].

Троцкий упорно поддерживал меньшевистскую фракцию в Государственной думе, стоявшую на оборонческих позициях. Троцкий враждебно относился к тому, что большевистская партия, беспощадно разоблачая социал-шовинизм, вела линию на разрыв с оппортунистами II Интернационала и на создание нового Интернационала.

В годы войны Ленин в ряде своих работ разоблачил грабительскую сущность империализма и показал, что империализм—это последний этап развития капитализма, это канун пролетарской революции. Именно в годы войны Ленин открыл и обосновал имеющий всемирно-историческое значение закон неравномерного развития капитализма и возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Ленин писал, что капиталистические страны развиваются неравномерно и что социалистическая революция не может произойти сразу во всем мире. Она произойдет сначала в немногих странах или даже в одной стране. Но и в этой одной стране победивший рабочий класс сможет построить социализм.

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 56, Огиз, 1936 г.

«Неравномерность экономического и политического развития,—писал Ленин,—есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[1].

Троцкий ожесточенно боролся против ленинской теории возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Уже тогда Троцкий капитулировал перед капитализмом. Троцкий был и остается самым злобным врагом ленинизма, врагом нашей социалистической родины и советского народа.

Против основных лозунгов большевиков—превращения войны империалистической в войну гражданскую и поражения царского правительства—выступила в 1915 г. и группа русских эмигрантов, так называемая «божийская группа», возглавляемая Бухариным и Пятаковым. Рассчитывая на поддержку всех социал-шовинистов и центристов, Бухарин и Пятаков в своих антиленинских тезисах пытались доказать, что лозунги Ленина неприемлемы, что «абсолютно невозможна практическая агитация в этом духе».

В том же 1915 г. Бухарин и Пятаков выступили с антибольшевистской платформой по вопросу о праве

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 232—233.

наций на самоопределение. Известно, что вопрос о праве наций на самоопределение был обоснован Лениным и Сталиным еще задолго до мировой войны. По этому вопросу, как и по всем вопросам национальной политики, большевикам пришлось выдержать упорную борьбу с оппортунистами II Интернационала. Большевики активно поддерживали национально-освободительное движение, наносившее удар по империализму. Вопрос о праве наций на самоопределение вплоть до отделения являлся одним из важнейших пунктов большевистского разрешения национального вопроса. Выступление Бухарина и Пятакова в годы мировой войны, когда буржуазия и социал-шовинисты всячески старались затушевать национальный вопрос и лицемерно проповедывали, что мировая бойня является «священной войной за освобождение слабых наций», было прямой изменой делу пролетарской революции.

В 1916 г. Пятаков снова выступил против Ленина и большевистской партии. В своих статьях под псевдонимом «П. Киевский» Пятаков, так же как и Троцкий, отрицал возможность победы социализма в одной стране. Пятаков был беспощадно разоблачен Лениным, и его статьи были квалифицированы Лениным как антипартийные выступления, как «карикатура на марксизм». В годы войны Ленин разоблачал и Радека, стоявшего на позициях буржуазного пацифизма. Не случайно, что все эти люди превратились теперь в подлых агентов фашизма, в предателей интересов советского народа и трудящихся всего мира. Они на протяжении всей истории большевистской партии вели борьбу против партии, были агентами буржуазии в рабочем движении.

Лозунг большевистской партии о превращении империалистической войны в войну гражданскую наносил могучий удар по международному социал-шовинизму.

Он собирал под знамена большевизма самые передовые и революционные элементы рабочего движения, он помогал народным массам видеть и понимать истинный смысл и характер происходящей мировой бойни.

> «...Большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства»... массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков»[1].

В то время как германские социал-демократы голосовали за военные кредиты и с благословения кайзеровского генерального штаба ратовали за «освободительную» войну германского империализма; в то время как французские, бельгийские социалисты входили в министерства своих стран, получали министерские портфели для защиты «своего» отечества, выражая полное одобрение *своей* буржуазии, ведущей грабительскую войну,— большевики использовали всякую возможность, для того чтобы помочь народным массам понять суть происходящих событий и прежде всего вскрыть преступность затеянной империалистами мировой войны.

Рабочие депутаты IV Государственной думы—большевики Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов и Шагов по поручению ЦК партии объезжали местные партийные организации, знакомя их с отношением Центрального комитета большевиков к войне. Они использовали думскую трибуну и через голову царского правительства и буржуазии разъясняли массам истинные причины и характер начавшейся войны. Эти выступления против войны вызывали бешеную злобу русской буржуазии. В ноябре 1914 г. царское правительство арестовало депутатов-большевиков. Буржуазно-помещичья Государственная

---

[1] *Ленин*, т. XXV, стр. 178.

дума, конечно, «санкционировала» расправу над рабочими депутатами. Царский суд приговорил депутатов-большевиков к ссылке в Сибирь с лишением всех прав. Вместе с большевистскими рабочими депутатами Государственной думы был арестован и привлечен к суду Каменев. На этом суде Каменев показал себя ничтожным трусом и предателем большевистской партии.

В доказательство того, что он, Каменев, не разделяет взглядов Ленина и большевиков на войну, что он — не пораженец, он ссылался на меньшевика-оборонца Иорданского, который должен был подтвердить, что Каменев ничего общего с большевиками не имеет.

В своей статье «Что показал суд над РСДР фракцией» Ленин заклеймил предательское поведение Каменева.

> «...Стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал Розенфельд (Розенфельд—Каменев.—*Е. Ф.*), или свое несогласие с ЦК есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый»[1].

Суд показал, что, в то время как меньшевики, призывая рабочих к защите отечества, тянули к сотрудничеству с буржуазией в войне, а за границей социалисты воюющих стран становились министрами буржуазных правительств,—у рабочих есть своя, родная партия—партия большевиков. Она указывает им выход из войны, она разоблачает царизм и его захватнические планы, и члены большевистской партии идут на каторгу за их рабочее дело, за то, что они рассказывают народу правду о войне.

Большевистской партии пришлось работать в очень тяжелых условиях. Ленина война застала в Австрии.

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 129.

Там он был арестован австрийской полицией, ему грозил военный суд. С большим трудом Ленину удалось вырваться на свободу и перебраться в Швейцарию, в которой он находился до своего возвращения в Россию. (В Россию он вернулся только после Февральской революции.) Сталин был арестован еще в 1913 г. и находился в ссылке в Туруханском крае. В ссылке были также тт. Свердлов, Орджоникидзе и другие крупные работники партии.

Царское же правительство, особенно в годы войны, всю силу своего полицейского аппарата направило против большевиков. Так, по данным петроградской охранки, только за период с декабря 1915 г. по ноябрь 1916 г. было произведено восемь массовых «ликвидаций» (выражение охранки.—*Е. Ф.*) руководящих учреждений петербургской партийной организации и арестовано при этом 104 человека. До ноября 1915 г. и после декабря 1916 г. царское правительство также не менее семи раз проводило «ликвидацию». Таким образом, за 2½ года войны Петербургский комитет большевиков 15 раз подвергался разгрому охранкой. И все же, несмотря на это, петербургская большевистская организация под руководством ЦК и находящегося в Петрограде бюро ЦК во главе с т. Молотовым оказалась такой силой, с которой не мог справиться весь военно-полицейский аппарат самодержавия. Низовые партийные ячейки на фабриках и заводах, в Балтийском флоте, на судах и в частях береговой охраны Петрограда, Кронштадта и Гельсингфорса сыграли решающую роль в руководстве штурмом самодержавия рабочими и крестьянами в Февральские дни 1917 г. Эти партийные организации состояли в своем большинстве из рабочих-«правдистов», прошедших школу своего революционного воспитания под руководством товарища Сталина в бытность его

Депутаты IV Государственной думы — большевики Петровский, Самойлов, Муранов, Бадаев и Шагов в ссылке

редактором «Правды» в годы революционного подъема (1911—1913 гг.).

Большевики издавали свои газеты в Петрограде («Пролетарская правда»), в Екатеринославе («Звезда»), в Саратове («Наша газета»). Нередко большевистские газеты, как это было с «Пролетарской правдой», царское правительство закрывало, но тогда усиливался выпуск большевистских листков. Почти все годы войны, несмотря на провалы, большевики имели подпольные типографии в Москве, Петрограде, Харькове, Киеве, Екатеринославе и в других городах. Царским охранникам не удавалось разгромить и свернуть революционную работу большевиков в рабочих и солдатских массах. Недаром охранка в одном из многих своих донесений вынуждена была признать, что «ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как-то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованиями прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим обязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков»[1].

Царским сатрапам и буржуазии не удалось в годы войны обезглавить рабочее движение. Невзирая на тяжелые удары царизма, большевистская партия вела свою самоотверженную революционную работу. Гром орудий на фронте, «ура-патриотический» вой буржуазии и мень-

[1] Архив революции и внешней политики. Дело департамента полиции. Особая опись А5, лист 193, за 1915 г.

шевиков-оборонцев лишь на время несколько снизили по сравнению с началом 1914 г. рабочее забастовочное движение, но затушить его буржуазии не удалось.

Поражения царской армии на фронте, неудержимо катившееся в пропасть хозяйство страны, а затем и начавшийся процесс разложения армии совершенно отчетливо показывали начало общего распада прогнившего царского строя в России. Все отчетливее начал вырисовываться призрак грядущей революции, все сильнее стучалась она в дверь царской России.

С каждым месяцем войны положение широких рабочих масс, а также положение крестьян—бедняков и середняков—становилось все более невыносимым. Трудящимся массам кроме тягот и ужасов войны на фронте грозил голод и вымирание в тылу. Каждый день войны приносил рабочему классу все новые и новые доказательства того, что война—это грабеж, что правительство заботится и охраняет интересы только мародеров-лавочников и промышленных акул. Суровая действительность подтверждала, что звериный закон капитализма—строить благополучие небольшой группы людей, капиталистов и помещиков, за счет разорения и недоедания миллионов—действовал со всей своей силой.

Неспособность царского правительства справиться с растущей хозяйственной разрухой и с тяжелым кризисом на транспорте создала совершенно реальную угрозу голода в промышленных и городских центрах России. Уже в 1915 г. продовольственные затруднения испытывало подавляющее большинство городов, посаженных на голодный паек. Так, на 1 октября 1915 г. из 659 городов, запрошенных о продовольственном положении, 500, или 75% всех городов, ответили, что они переживают резкий недостаток продовольствия.

На почве продовольственных затруднений по всей стране прокатилась широкая волна продовольственных «беспорядков», заканчивавшихся нередко столкновениями с полицией и расстрелами рабочих демонстраций. В 1915—1916 гг. продовольственные выступления, связанные с нехваткой хлеба и других продуктов, имели место в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске, Кинешме, Киеве, Сормове (Нижегородской губернии), Таганроге, Костроме и в других промышленных центрах.

В Баку, центре нефтяной промышленности, продовольственные «беспорядки» продолжались несколько дней. Они начались 14 февраля 1916 г. В первый же день заместитель бакинского градоначальника Михайловский вынужден был телеграфировать: «Вызванных войск гарнизона недостаточно, располагаем нарядом войск—270 человек пехоты, 160 конницы в каждой смене, считая в том числе две сотни казаков, вызванных из Балаханов, оставшихся без воинской охраны. Оружие пока не применялось, настроение толпы очень возбужденное, опасаемся усиления беспорядков, уже есть раненные камнями казаки. Ходатайствуем об экстренной присылке конного полка».

В течение трех дней полиция и войска «ликвидировали» в Баку выступления, применив оружие против безоружного населения. Приводимая ниже сводка бакинского градоначальника говорит о том, во что обошлась населению Баку «победа царизма».

	14 февраля	15 февраля	16 февраля	Всего
Раненных холодным оружием	28	—	5	33
Раненных огнестрельным оружием	1	16	7	24
Убитых	1	1	7	9
Итого пострадало	30	17	19	66

Бездарное правительство Николая II не могло устранить нараставшего голода, толкавшего массы на выступления. Даже силой оружия, расстрелами оно не могло заставить эти массы терпеливо выносить ужасы войны и ее последствия.

Война неуклонно увеличивала доходы буржуазии. Получая бешеные военные прибыли, буржуазия прожигала жизнь, в то время как рабочие и трудящиеся влачили полуголодное существование. Рабочий класс вынужден был работать на фабриках и заводах в каторжных условиях, получая при все увеличивавшейся эксплоатации меньшую заработную плату, чем до войны.

Центральный комитет большевистской партии характеризовал положение рабочих в годы войны как «медленное умертвление». В обращении большевистской партии «Война и дороговизна» (1 ноября 1915 г.) писалось:

> «Это медленное умертвление не так заметно. Тут нет пушечной пальбы, тут нет гибели на виду у всех: незаметно, далеко от глаз сытой толпы, по сырым подвалам и чердакам медленно угасают рабочие из-за недоедания, плохих квартир, холода и ужасных санитарных условий».

Из материалов обследования Всероссийского союза городов (хотя эти материалы далеко не полностью отражают действительное положение) можно судить о положении трудящегося городского населения в годы войны. «В Одессе по двое суток стоят в очереди за керосином; в Александровске в очередях за керосином стоят тысячные толпы; в Подольской, Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях фунт керосина стоит (в декабре 1916 г.) 1 р. 50 к. За отсутствием топлива останавливаются электрические станции, водопроводы, сокращается движение трамваев, улицы погружаются во тьму, закрываются бани... В Киеве в мясных

и дровяных очередях зарегистрированы случаи обмерзания. Потребление хлеба с декабря 1916 г. ограничено полфунтом на человека (Тамбов); на Кубани нет хлеба для раздачи населению; в Царицыне на почве недоедания развились инфекционные заболевания».

Низкая заработная плата рабочих понижалась еще и катастрофическим падением ценности бумажных денег. Уже к концу 1915 г. царский рубль упал до 60 коп. Бешеная рыночная спекуляция довершала грабеж рабочего населения. Следующая таблица показывает соотношение между зарплатой и ценами на продовольствие (в процентах):

Годы	Зарплата	Цены
1914	100	100,0
1915	119	153,0
1916	150	300,2

Для царского правительства и буржуазии рабочие массы и массы крестьян—бедняков и середняков—были не только пушечным мясом, которое они непрерывно поставляли на огромный по своему протяжению и истреблению людей фронт, но и источником покрытия расходов по грабительской, империалистической войне. А между тем расходы на войну росли с ужасающей быстротой. В 1915 г. война стоила России 10 млрд. руб., в 1916 г.—19 млрд. и в первое полугодие 1917 г.—10½ млрд. руб. В огромной своей части эти расходы выколачивались из трудового населения путем повышения различных налогов, повышения цен на предметы первой необходимости и т. д.

Мировая война со всеми ее ужасами и лишениями для рабочих и основных масс крестьянства явилась суровой школой революционной борьбы против царизма. Война, как неоднократно говорил Ленин, явилась «величайшим историческим двигателем» и «режиссером» революции.

«...Разъяснять массам,—писал Ленин,—...что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель—война... Он *заставляет* народы напрягать до последней степени все силы, он ставит их в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь «теорий»... а проведение самых крайних, практически возможных мер, ибо *без* крайних мер—гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода»[1].

Стачечное движение не прекращалось во время войны. Стачки продолжались весь 1914 г., а с начала 1915 г. стачечное движение неуклонно возрастало. Приняв вначале форму экономической борьбы, оно постепенно перерастало под руководством большевиков в борьбу политическую. Приводимая нами таблица дает представление о развитии стачечного движения в годы войны.

Годы	Забастовки экономические		Забастовки политические		Всего		
	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число потерянных рабочих-дней (в тысячах)
1914	969	278,3	2 565	1 059,0	3 534	1 037,5	5 755,0
1915	715	383,6	213	156,0	928	539,5	1 863,4
1916	1 041	641,4	243	310,0	1 284	951,7	4 649,3
1917 (январь-февраль)	190	101,5	1 140	574,8	1 330	676,3	3 001,4

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 39.

В июне 1915 г. забастовали рабочие Большой льняной костромской мануфактуры, предъявив ряд экономических требований своей администрации. Полиция тут же на собрании произвела арест «зачинщиков» и предложила рабочим разойтись с собрания. Рабочие отказались выполнить это требование до освобождения арестованных товарищей. В ответ полиция открыла огонь по рабочим,—было убито 12 и ранено 45 рабочих и работниц.

В Иваново-Вознесенске демонстрация рабочих в августе 1915 г. также была расстреляна полицией. Вот как описывается этот расстрел рабочих в полицейских документах: 10 августа в семь с половиной часов вечера «в Иваново-Вознесенске против толпы рабочих до 4 тыс., желавших самовольно освободить арестованных товарищей, были вызваны войска для ограждения арестантской; из толпы были брошены по солдатам камни и раздались выстрелы, после троекратного увещания командующего войсковой частью прапорщика о том, что он откроет огонь, агрессивные действия толпы не прекращались, почему войсковой частью был произведен залп. В результате убито 16 и ранено около 30». Это описание требует, однако, своего уточнения, так как число убитых и раненых во время расстрела рабочих достигло 100 человек. В ответ на эти расстрелы во многих городах России рабочие объявляли забастовки протеста.

В сентябре 1915 г. произошли столкновения рабочих и трудящихся с полицией и в Москве.

Особенно широкая волна забастовок прокатилась по Донбассу. Положение рабочих Донбасса в годы войны было особенно тяжелым. При чрезвычайно низкой заработной плате горнозаводчики нещадно эксплоатировали шахтеров, заставляя их работать по 10—12 часов

в день. В годы войны владельцы шахт широко применяли детский труд.

Еще в начале июля 1915 г. петроградский градоначальник самодовольно доносил: «Положение в столице надо признать спокойным». Но уже в половине июля забастовками были охвачены такие крупные заводы, как «Новый Леснер», «Эриксон», Невский судостроительный, «Промет», Дюфлон, Айваз, Сампсониевская мануфактура и др. Всего бастовало около 15 тыс. рабочих. Руководство этими забастовками было целиком в руках большевиков.

В августе и сентябре этого же года в Петрограде происходили крупные политические стачки в ответ на расстрел рабочих в Иваново-Вознесенске. На одном только Путиловском заводе бастовало около 20 тыс. человек. Охранка вынуждена отмечать, что «при прекращении работ устраивались летучие сходки, выносились резолюции с предъявлением требований чисто политического характера». В борьбу рабочих втягивались и солдаты. Так, в сентябре у Николаевского вокзала произошла стычка мобилизованных солдат с полицией. Полицейские, загнанные во двор вокзала, открыли огонь.

Как росло сознание рабочих, показывают требования, предъявленные при начале стачки путиловскими рабочими. Прекратив работу, путиловцы выдвинули следующие требования: освободить из ссылки пять депутатов Государственной думы (речь идет о большевиках—Петровском, Муранове, Самойлове, Бадаеве и Шагове.—*Е. Ф.*), предоставить свободу печати, всеобщее избирательное право, убрать казаков с завода и т. д.

Стачечное движение проходило и развивалось вопреки сопротивлению русских социал-патриотов—меньшевиков, служивших не за страх, а за совесть своей буржуазии. Когда буржуазия в интересах доведения войны

«до победного конца» организовала военно-промышленные комитеты, меньшевики старались втянуть в это дело и рабочих. Идеологом этой формы классового сотрудничества меньшевиков с буржуазией был меньшевик-оборонец Гвоздев.

Для буржуазии участие меньшевиков в военно-промышленных комитетах было средством распространения на рабочих своего «патриотического» влияния, «гвоздевщина» была орудием в руках буржуазии против революционного рабочего движения. Меньшевики, с первых дней войны вставшие на позицию оборончества, пытались подчинить интересы рабочего класса интересам буржуазии. Они, соединяя свою идею защиты «отечества» с внешней, мнимой революционностью (критика царского правительства), были основными проводниками оборончества в рабочие массы.

Разоблачая штрейкбрехерскую деятельность меньшевиков-оборонцев, Ленин писал:

> «Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают великодержавные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это—направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это—союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата»[1].

Мнимая революционность, маскировка уверениями о том, что, мол, «мы идем в военно-промышленные комитеты не ради обороны, а ради организации пролетариата, ради разоблачения хозяев», скрывали классовую

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 221.

сущность военно-промышленных комитетов, помогали меньшевикам держать в подчинении незначительную часть из наиболее отсталых и политически незрелых слоев рабочих. Подавляющее же большинство сознательных рабочих было против этой затеи оборонцев. Так, в сентябре 1915 г. собрались уполномоченные от рабочих для окончательных выборов в военно-промышленные комитеты. На этом собрании большинством голосов была принята резолюция большевиков против участия в военно-промышленных комитетах.

На крупнейших предприятиях Москвы и Петрограда рабочие враждебно встречали агитацию меньшевиков о создании «рабочих групп» в военно-промышленных комитетах и под руководством большевиков проводили бойкоты военно-промышленных комитетов. Даже журнал меньшевиков-оборонцев «Дело» был вынужден признать, что рабочие не хотят участвовать в военно-промышленных комитетах. Так, из 239 областных и местных комитетов выборы производились только в 70, а выборы рабочих—только в 36 комитетах. Рабочие под руководством большевиков шли мимо «рабочих групп» оборонцев,—они шли к революции через возраставшую стачечную борьбу. Партия Ленина—Сталина беспощадно разоблачила эту очередную попытку социал-патриотов впрячь рабочий класс в одну телегу с царизмом и с хищнической, империалистической буржуазией. Рабочие массы не пошли на удочку социал-предателей, и их затея позорно провалилась.

Революционная работа большевистской партии в годы войны поднимала боевой дух рабочего класса в его борьбе против самодержавия и буржуазии. Настойчивая пропаганда и агитация против войны и царизма широко захватывала и армию. Промышленные рабочие, мобилизованные в первые дни войны, крепкие военные

организации большевиков на фронте и в тылу были связующими звеньями партии и проводниками большевистского влияния на солдат. Само царское правительство, борясь с «крамолой» в тылу, гнало сознательных рабочих на фронт. Так, в Петрограде после январской стачки 1916 г. на Путиловском заводе сотни революционно настроенных рабочих были отправлены в дисциплинарные батальоны и на фронт. В Николаеве 7 500 рабочих заводов «Наваль» и «Руссуд» были посланы на фронт. На заводах и фабриках заводились «черные списки», применялись массовые увольнения рабочих, опять-таки с немедленной отправкой на фронт. Этими драконовскими мерами царское правительство безуспешно пыталось остановить забастовочное движение в тылу, но тем самым создавало в армии прочный пролетарский костяк, на который и опиралась в своей революционной работе в армии партия большевиков.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Тяжелые поражения на фронте, сотни тысяч убитых и раненых, отравленных газами и искалеченных, невыносимые условия, в которых находилась русская армия на фронте,—все это помогало солдатам постепенно осознать истинный смысл войны и ее грабительский характер. В солдатских массах накапливалась злоба к царским генералам и кадровому офицерству, принесшему на фронт все «премудрости» службы в царской армии, с ее зуботычинами, с постановкой солдат за малейшую ошибку или провинность «под ранец», «под ружье» и т. д.

Нарастающее в армии глухое брожение и недовольство войной выражалось в массовой сдаче в плен, в очень популярных на фронте «самострелах» (солдаты, чтобы попасть в лазарет, сами простреливали себе руки и ноги), в массовом дезертирстве с фронта. На фронте все чаще стало наблюдаться братание русских солдат с солдатами противника.

Большевистская партия стремилась направлять нарастающее недовольство и брожение в организованные выступления против самодержавия.

О разложении армии вынужден был говорить председатель Государственной думы Родзянко: «Справедливость требует указать, что симптомы разложения армии

были заметны и чувствовались уже во второй год войны. Так, например, в период 1915 и 1916 гг. в плену у неприятеля было уже около 2 млн. солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллионов человек. Значит, отсутствовало около 4 млн. боеспособных людей, и цифры эти красноречиво указывают на известную степень деморализации армии...»

Царское правительство и патриотическая буржуазия пытались поднять дух населения и армии, раздувая всякую незначительную удачную военную операцию на фронте в «огромные победы русского оружия», утверждая, что враг будет скоро разбит и уничтожен. Однако кошмарная действительность войны мало способствовала поднятию боеспособности обманутых, голодных и безоружных солдат, обильно заливавших своей кровью поля и окопы по приказам «отцов командиров». Солдаты, в своем подавляющем большинстве крестьяне, жили не интересами войны и фронта, а интересами глубокого тыла; они жадно ждали вестей оттуда, откуда их насильно вырвали и загнали в окопы. А вести из «тыла» были безрадостными. В деревне война разоряла крестьянское хозяйство, заставляла солдатские семьи вести полуголодное существование. В армию, несмотря на жестокую цензуру, шли письма с жалобами на бесконечные призывы, на мобилизацию лошадей, на притеснения со стороны помещиков, деревенских дармоедов—кулаков, этих наиболее зверских эксплоататоров русской деревни.

В деревне в 1915 и 1916 гг. широкой волной разливались так называемые «землеустроительные беспорядки». Борьба с помещиками и кулаками на почве землеустройства в годы войны приняла резко обостренный характер. В этом отношении особенно характерны

многочисленные выступления жен мобилизованных в армию солдат.

В Тамбовской, Воронежской, Симбирской и других губерниях против «бунтующих» солдаток правительство вынуждено было прибегать к помощи местных воинских гарнизонов. В Ардатовском уезде Симбирской губ. солдатки под лозунгом: «Наши мужья проливают кровь на войне, а у нас отбирают землю», организовали поход в город Ардатов, где и были разогнаны полицией. В Лукоянском уезде Нижегородской губ. солдатки избили приставов и урядников, разгромили несколько домов хуторян. В Воронежской губ. против солдаток пришлось двинуться «самому» вице-губернатору с двумя эскадронами драгун. Везде выступления солдаток заканчивались арестами и судом над «зачинщицами». Выступления забитых, бесправных крестьянок являлись яркой иллюстрацией безвыходности положения, в котором находилось крестьянство в годы войны.

Царское правительство пыталось прекращать крестьянское движение во время войны излюбленным методом—поркой и пулями. Так, во время выступления крестьян села Михайловского Ставропольской губ. против незаконных поборов, против земских платежей, явившийся в село губернатор князь Шервашидзе заявил: «Если не будете платить, то для усмирения найдутся розги и пули». Эту угрозу князь выполнил в другом селе—Александрии, где во время подавления «беспорядков» было убито трое крестьян и ранено семеро.

Особенно крупное движение в годы войны развернулось в национальных краях и областях царской России. В царской России—этой «тюрьме народов»—положение угнетенных народностей было особенно тяжелым.

Нещадная экономическая эксплоатация, полное политическое бесправие, административный произвол и национальный гнет—такова была система «управления» российского самодержавия завоеванными и порабощенными народами, или, как их называли царские чиновники, «инородцами». Во время войны все средства эксплоатации и угнетения «инородцев» были царским правительством пущены в ход с удесятеренной силой. Царское правительство непрерывно черпало из угнетенных национальностей пополнения и в действующие армии, и на тяжелые тыловые работы на фронте.

Развал крестьянского хозяйства в национальных окраинах страны давал себя знать еще с большей силой. Особенно значительно было разорение хлопкового хозяйства Узбекистана. Сбор хлопка-сырца с 59,7 млн. пудов в 1915 г. (рекордный год по выходу хлопка) упал в 1916 г. до 46 млн. пудов, а выход волокна оказался на 30% ниже. Установленные правительством твердые цены на хлопок не оправдывали даже издержек производства. Отсутствие хлеба и других продуктов в национальных районах из-за разрухи на транспорте, обесценение денег, вывоз скота и непрерывные мобилизации и в армию и на тыловые работы—все это вызвало широкое крестьянское движение в «среднеазиатских владениях» царизма.

В 1916 г. в Казахстане и Узбекистане движение выросло в крупное восстание, потопленное царским правительством в крови восставших. Царское правительство сжигало целые кишлаки, у кочевых народов отбирался скот. Было убито и ранено несколько тысяч человек, а вожаки восстания были казнены.

Это восстание носило явно выраженный антиимпериалистический характер. Восставшие отказывались дать солдат и рабочих для войны. Основной удар восстания

был направлен против царизма, порабощавшего и угнетавшего народности Средней Азии. Не менее значительное движение развернулось и на Кавказе. В Грозненском, Аксайском и других округах насчитывались десятки горцев-крестьян, убитых и раненных в стычках с полицией и войсками.

В Уфимской губернии в 1915 г. имели место крупные столкновения башкир с полицией из-за порубки башкирами леса на казенных участках. В результате этих столкновений были убитые и раненые как со стороны башкир, так и полиции.

Крестьянское движение в годы войны было направлено против помещиков и против кулачества, наживавшихся на войне. Крестьянские выступления за годы войны показывали, что и в деревне скопился горючий материал. Вести о том, что происходило в деревне, не могли не доходить до солдат на фронте. К постоянным ужасам войны, среди которых жили солдаты, присоединялось беспокойство за семью, землю, за оставленное в деревне хозяйство. Все это ускоряло процесс разложения царской армии.

Яркой иллюстрацией солдатских настроений являются письма солдат-фронтовиков. Вот несколько отрывков из писем фронтовиков в деревню, относящихся к 1915—1916 гг. «Пока тятенька,—пишет фронтовик своему отцу,—в наступлении не были, да и бог бы не дал быть: не хотят солдаты. Сделали забастовку. Все полки говорят, что довольно воевать, просят мира. Если солдаты не замирят, то мира не будет»[1]. «Мы только и ждем,—говорится в другом письме,—этого, как только начнутся внутри России бунты, так и мы забастуем, более не будем воевать»[2]. «Были у нас,—пишет

---

[1] «Красная летопись» № 3 за 1927 г.
[2] «Красная летопись» № 1 за 1928 г.

солдат в письме,—рабочие листки. Начальство злилось, пугает больно: повесят первого попавшегося, а мы, солдатики, знаем дело, почитываем листки, где рабочие пишут правду-матку о войне и наших муках. Скорее бы, товарищи, нам подняться на борьбу с царем Николаем»[1].

Недовольство солдат переходило в прямое сопротивление командованию: в неповиновение приказам своих офицеров и отказы итти в атаку. В одном из солдатских писем так описываются события на фронте: «Все роты отказались итти, крича: «Давай есть, одевай и обувай, а то воевать не будем или все пойдем в плен...» За нашим полком забастовал Царевский полк, а там и другие полки нашей дивизии. Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен добровольно».

Ко всем ужасам истребительной войны прибавился голод как на фронте, так и в тылу. Так, к началу 1917 г. нередко на северном фронте продовольственных запасов оставалось на один, два дня. На западном—части были переведены на консервы и сухари, на юго-западном солдаты получали только суп из селедки или по одной селедке на руки. На румынском фронте снабжение частей продовольствием было еще хуже, чем на других фронтах.

С начала 1915 г. солдат начали кормить преимущественно чечевицей. Эта «шрапнельная похлебка» была ненавистна солдатам, про нее они говорили: «Чечевицей лошадей кормить нельзя—шерсть вылезет». Но к началу 1917 г. на многих фронтах и чечевицы в окопах не было. Как велико было издевательство командования и интендантства над солдатами, показывают факты перевода

[1] «Красная летопись» № 3 за 1927 г.

с «харчевого довольствия» на денежное. Это вызывало еще бо́льшую злобу солдат, и подобные «эксперименты» нередко кончались прямым бунтом солдат. Например, когда в III армии вместо сахара выдали деньги (на эти деньги ничего нельзя было купить), начались беспорядки, которые были усмирены расстрелами.

Нарастание революционного и забастовочного движения рабочих, охватившего все крупные промышленные центры, рост недовольства и разложения в армии не на шутку встревожили царских сатрапов и охранников. «Армия в тылу и особенно на фронте,—сообщала охранка,—полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий».

Но не только охранка, сами царские генералы вынуждены были признать, что солдаты не хотят больше быть «пушечным мясом» и продолжать «победоносную» войну. На совещании командующих армиями в Ставке, происходившем 17—18 декабря 1916 г., генерал Брусилов заявил: «7-й Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказались итти в атаку: были случаи возмущения, одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры: расстрелять несколько человек». Генерал Рузский на этом же совещании жаловался: «Рига и Двинск—несчастье северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда». То же самое заявлял и генерал Крымов: «Так дальше итти нельзя... В армии, в ее солдатском составе, растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и к начальству в частности, и таким образом армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок... Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения».

Работа большевистских организаций в тылу и на фронте давала свои результаты. В рабочих, крестьянских и солдатских массах накапливались злоба и ненависть против войны и против царизма. Забастовочное движение рабочих встречало сочувствие и поддержку среди солдат, оно вместе с тем и революционизировало солдатские массы.

В стране, где находилось свыше 14 млн. человек под ружьем, самыми популярными лозунгами становились лозунги большевистской партии.

Развал хозяйства страны, разложение в армии вместе с тяжелыми поражениями на фронте ускоряли нарастание революционной бури, которая должна была смести самодержавие и дать массам революционный выход из войны. Все яснее становилось рабочим, крестьянам и солдатам, что единственный путь к прекращению ужасного истребления миллионов людей, выход из тисков надвигающегося на народные массы голода есть путь, указанный большевистской партией,—путь революции.

Царское правительство решительно и жестоко подавляло стачки, но они росли и принимали все более массовый характер. В 1914 г. на одну забастовку в среднем приходилось 378 забастовщиков, в 1915 г. — 581 и в 1916—711.

Во главе забастовочного движения шли металлисты. Застрельщиком политических выступлений рабочего класса был Петроград. 9 января 1916 г., в день годовщины «Кровавого воскресенья» (расстрел рабочих у Зимнего дворца в 1905 г.), из общего количества 53 тыс. участников в политических забастовках 85% приходилось на петроградских металлистов. В октябрьской забастовке 1916 г. 77% всех стачечников дал Петроград. В годы войны не только в Петрограде и Москве, но и по всей стране стачечное движение, начавшееся на

экономической почве, неизбежно выливалось в столкновение с самодержавным строем и принимало политический революционный характер.

9 января 1916 г. в Петрограде бастовало свыше 100 тыс. рабочих. Причем дело дошло до стрельбы полиции в рабочих завода «Новый Леснер».

Солдаты в этот день выражали свою солидарность с демонстрирующими и частично принимали в демонстрациях непосредственное участие. Так, газета «Социал-демократ» сообщает: «Во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встречи демонстрантов с солдатами. Так, по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали: «Ура!», «Долой войну!» 10 января вечером по Большому Сампсониевскому проспекту шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат... Полиция все время держалась в сторонке... Присутствие в более чем тысячной толпе 300—400 солдат действовало на полицию «успокоительно»... Демонстрация длилась более часу»[1].

В апреле снова проходил ряд крупных политических забастовок в связи с годовщиной Ленского расстрела (расстрел рабочих полицией на Ленских золотых приисках в 1912 г.); забастовочное движение продолжалось и все последующие месяцы 1916 г.

Близость революции особенно ярко выявилась в октябрьской стачке 1916 г. Толчком к этой стачке явилась прокламация Петербургского комитета большевиков. В этой прокламации говорилось, что правительство не способно справиться с продовольственными трудно-

---

[1] «Социал-демократ» № 53 от 13 апреля 1916 г.

стями, которые коренятся в самой империалистической войне.

«Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода,—говорилось в прокламации,—вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества».

Первыми выступили на призыв большевиков рабочие завода Рено, затем завод «Новый Леснер» и др. Рабочие пошли в казармы 181-го пехотного полка. Полиция попыталась разогнать рабочих и арестовать агитатора, но рабочие и солдаты разогнали полицию. Вызванный командир полка—полковник Волоскевич был ранен возбужденными рабочими и солдатами. Для усмирения были вызваны казаки и учебная команда лейб-гвардейского Московского полка.

В дни октябрьской стачки бастовало свыше 120 тыс. человек. Через несколько дней, снова по призыву большевиков, на улицы Петрограда вышли десятки тысяч рабочих с протестом против суда над матросами с военного корабля «Гангут», арестованными за создание большевистской организации. Лозунгами демонстрантов были: «Долой войну!», «Долой казнь!»

Все октябрьские забастовки носили резко выраженный политический характер, отличаясь яркими моментами обостренной классовой борьбы. В народных массах росло и крепло под влиянием большевистской партии сознание необходимости революционного свержения насквозь прогнившего царского строя.

Приближение этой нарастающей революционной бури чувствовали и царская дворцовая клика и империалистически настроенная буржуазия. Оба эти лагеря, враждебные революции, всячески стремились предотвратить и опередить стремительно надвигавшуюся революцию.

Тревога буржуазии за победный исход мировой войны

все больше возрастала в связи с тяжелыми поражениями на фронте и неспособностью царизма не только разгромить врага, но и защищать «свои» территории. Немецкие войска постепенно захватили всю Польшу, Литву и Латвию—области, входившие до войны в состав Российской империи. У буржуазии были все основания тревожиться за исход войны. Патриотический подъем и верноподданнические лобзания престола в первые дни войны начали сменяться у буржуазии «патриотической тревогой». Углублявшийся экономический кризис и поражения русских войск нарушили «единение с царем» русской буржуазии. Буржуазия, усилившая свою экономическую мощь в результате войны, через военно-промышленные комитеты, союзы городов и земств, через различные особые совещания усилила и свое политическое влияние. Но политическая власть в стране находилась в руках самодержавия—представителя помещиков-крепостников. Буржуазия стала в «оппозицию» к самодержавию. Видя неумение царизма организовать войну, она пыталась выступить в роли организатора обороны страны.

Через свои организации империалистическая буржуазия охватывала своими щупальцами все главные узлы экономической жизни страны и через них пыталась принимать участие в политическом управлении страной. Но буржуазию пугала приближавшаяся революция. Она даже была непрочь обвинить правительство в том, что оно своей бездарностью довело страну до революции.

В середине 1915 г. с трибуны Государственной думы лидеры буржуазии требовали создания «министерства доверия», такого министерства, в которое входили бы министры, пользующиеся доверием буржуазии, требовали создания министерства, способного довести войну до победоносного конца, и т. д. Все это являлось

следствием, с одной стороны, действительной тревоги буржуазии за исход грабительской войны, а с другой—попыткой нажать на царизм и заставить его пойти на политические уступки буржуазии. Самодержавие, однако, на уступки не пошло, а животный страх буржуазии перед революцией быстро развеял впрах и ее оппозиционные настроения. Те же лидеры буржуазии и с той же трибуны Государственной думы заговорили своим настоящим—классовым языком: о необходимости борьбы с революцией, о поддержке и помощи правительству в борьбе с революционной «крамолой». Но видя неспособность царизма предотвратить развал страны и революцию, они свое требование периода «расцвета» оппозиционности—«министерство доверия» осенью 1916 г. сменили требованием ответственного министерства, т. е. создания такого министерства, которое целиком бы отвечало перед помещичье-буржуазной Думой, было бы способно сокрушить революцию и победоносно продолжать войну. Резкость требования буржуазных лидеров объяснялась уже не оппозиционностью к самодержавию, а боязнью перед революцией.

Угроза революции и страх перед ней заставляли царизм искать выхода из кризиса, спасения от надвигавшейся революции. Царь и придворная шайка во главе со «святым старцем» Гришкой Распутиным решили разогнать Государственную думу, запретить всякие «союзы», окончить войну с Германией, заключив с ней сепаратный мир. Заключение мира с Германией развязало бы руки царскому правительству для борьбы с внутренним врагом—с революционным движением рабочих, солдат и матросов. Это был заговор царя против народа и революции. Подготовка этого заговора была окружена глубокой тайной и происходила в течение всего 1916 года. В тайну заговора были посвящены

только самые матерые слуги монархии и друзья Распутина.

Но этот план царя и его придворной клики был неприемлем для буржуазии. Для буржуазии сепаратный мир с Германией означал бы прежде всего прекращение миллионных прибылей, получаемых ею от войны, а затем и угрозу потерять обещанные союзниками новые территории в Галиции, и, главное, означал бы потерю Константинополя и проливов в Черном море—этой «национальной цели войны».

План заключения сепаратного мира с Германией был неприемлем также и для союзников. Выход России из войны был не в интересах английских и французских империалистов. Дело тут было не только в огромных военных займах, полученных царизмом от Франции и Англии на ведение войны. Главное было в том, что не только в первые дни войны русская армия своим наступлением на Германию спасла Париж от немцев, но и в последующие годы русские войска не раз бросались командованием в наступление для того, чтобы спасти положение на Западе, на фронтах своих союзников. Например, весной и летом 1916 г. для облегчения положения итальянцев русская армия была вынуждена произвести кровопролитное и не принесшее ей никаких стратегических выгод наступление в Луцком районе. Несмотря на бездарность царских генералов и исключительную слабость военно-технического вооружения, многомиллионная армия России вынуждала Германию и ее союзников держать на своих фронтах огромную военную силу. Заключение Россией сепаратного мира с Германией развязало бы руки последней в войне против Англии и Франции, ставило бы под большой вопрос их победу и разгром Германии.

Таковы были те мотивы, по которым «и русская бур-

жуазия и иностранный капитал повернулись спиной к царизму»[1].

Наряду с заговором царя и дворцовой клики зародилась идея второго заговора против революции у верхов буржуазии. Основная цель второго заговора та же—опередить революцию: «Поддержанная союзниками буржуазия решается путем дворцового переворота омолодить дряхлеющее самодержавие—сменить бездарного царя и посадить другого—своего ставленника. Весь план был рассчитан на то, чтобы, не прекращая войны, усилить борьбу с нарастающей революцией»[2].

Дворцовый переворот подготовлялся, с одной стороны, представителями военщины (в тайный кружок, существовавший в Петрограде, входили генералы Крымов, Брусилов, Алексеев и другие военные) и, с другой—головкой финансово-промышленной буржуазии, причем здесь инициаторами были Гучков, Терещенко, князь Львов и другие.

Джордж Бьюкенен (английский посол) в своих воспоминаниях рассказывает, что заговорщики у него в посольстве открыто обсуждали план дворцового переворота.

Задачей дворцового переворота было свергнуть Николая II и посадить на престол его сына Алексея. Эта задача, как мы увидим в дальнейшем, осталась программой буржуазии и в дни после Февральской революции 1917 г. Одним из первых актов осуществления плана этого переворота было убийство в ночь с 17 на 18 декабря «святого старца» Гришки Распутина, совершенное в квартире князя Юсупова—великим князем Дмитрием Павловичем, самим Юсуповым и известным в то время черносотенцем Пуришкевичем.

---

[1] *Сталин*, На путях к Октябрю, стр. 105, Ленгиз, 1925 г.

[2] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 85, Огиз, 1936 г.

Один из инициаторов дворцового переворота—Гучков так рисует план переворота: «Захватить по дороге между Ставкой и Царским селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и лицах, которые возглавят собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью». То же рассказывает и известный вешатель рабочих и крестьян генерал Деникин: «Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха... предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград.

Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола».

Ни одному из этих враждебных революции лагерей, ни одному из заговоров против революции *опередить* революцию не удалось. Оба плана—самодержавия и дворянско-буржуазной верхушки—были разрушены выступившим на улицы рабочим классом, вовлекшим в борьбу с царизмом солдатские, крестьянские массы.

Наступил 1917 год.

Он ознаменовался мощным подъемом забастовочного движения и столкновениями полиции с населением в связи с растущим голодом. 9 января в Петрограде, Москве, Нижнем-Новгороде, Баку, Харькове, Екатеринославе и других городах происходили демонстрации рабочих. Мощные рабочие демонстрации проходили под лозунгом большевиков—«Долой самодержавие!»

Январские забастовки были прямым преддверием

революции. Убедившись в невозможности сдерживать дальше массы от революционных выступлений, даже такие заядлые оборонцы, какими были «гвоздевцы», начали маневрировать и приспосабливаться к событиям. Они развернули подготовку шествия рабочих к Государственной думе в день ее открытия—14 февраля. Это шествие к Думе подготовлялось не без ведома буржуазии, а по существу являлось лишь выполнением ее «социального заказа». Так, например, один из лидеров кадетской партии, Милюков говорил по этому поводу: «В феврале было заседание различных общественных организаций и членов блока, на котором обсуждался вопрос о форме выражения поддержки Государственной думы общественным мнением, главным образом рабочими кругами, и проектировалось шествие рабочих к Государственной думе»[1].

В противовес меньшевикам большевики готовили демонстрацию рабочих на 10 февраля—день годовщины суда над большевистской фракцией Государственной думы. Но так как 10 февраля не все заводы работали, поэтому были проведены митинги, решено было участвовать в стачке 14 февраля и провести ее под большевистскими лозунгами.

Это был день последней боевой проверки организованности рабочего класса перед революцией. 14 февраля Петербургский комитет большевиков в своем обращении к рабочим Петрограда заявил: «Ждать и молчать больше нельзя. Рабочий класс и крестьяне, одетые в серые шинели и синие блузы, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором... Настало время открытой борьбы». Боевой призыв большевиков нашел

[1] Отчет Государственной думы 5-й сессии.

горячий отклик у рабочих. В этот день в Петрограде бастовало 60 предприятий. Десятки тысяч рабочих вышли с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

Самодержавию не удалось сломить большевистскую партию, не удалось порвать ее связи с массами; в преддверии революции партия была, так же как во все годы войны, вместе с массами и во главе их. Старые большевистские кадры рабочих, прошедшие школу революционной борьбы в эпоху «Звезды» и «Правды», когда под руководством Ленина и Сталина цементировалось «правдистское направление» рабочих, не смог сломить полицейско-жандармский аппарат царизма.

> «Пусть даже впятеро и вдесятеро,—писал Ленин,—разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и анти-шовинизмом»[1].

Большевистская партия была единственной партией, которая боролась против грабительской войны, против оборончества и шовинизма, стояла за поражение царского правительства в этой войне. Она вела массы под лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую, она организовала и подготовила рабочих, крестьян, солдат и матросов к победоносному восстанию и свержению самодержавия.

> «Наша партия,—писал Ленин,—оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский Комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма»[2].

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 133.

[2] *Ленин*, т. XX, стр. 25.

ПОБЕДА РАБОЧИХ И СОЛДАТ НАД САМОДЕРЖАВИЕМ

Революция приближалась.

Нарастание забастовочного движения в январе и феврале 1917 г., политический характер рабочих демонстраций, направленных против войны и самодержавия, оказывали огромное революционное влияние на солдат. В столице России—Петрограде 18 февраля началась стачка путиловских рабочих. 23 февраля 1917 г. путиловцы пошли в город, где накануне произошли продовольственные «беспорядки» и стычки трудящегося населения с полицейскими и жандармами. Стачка, охватившая в последующие дни все предприятия Петрограда, перерастала *в вооруженное восстание* против самодержавия.

23 февраля (по новому стилю 8 марта), в Международный день работниц по призыву Петербургского комитета партии большевиков в Петрограде бастовало 50 фабрик и заводов с 90 тыс. рабочих. В рабочих районах были организованы демонстрации, в которых наряду с лозунгом «Хлеба!» были и лозунги, направленные против войны и самодержавия. Большинство участвовавших в демонстрации были женщины.

Демонстрация началась на Выборгской стороне и приняла сразу же массовый характер. Усиленные наряды конной и пешей полиции не могли удержать демонстрантов. Демонстранты снимали с работы рабочих соседних

заводов, останавливали трамвайное движение и т. д. С Выборгской стороны движение перекинулось и на другие районы города. Донесения полиции о демонстрации делались в этот день все тревожнее. В течение дня у рабочих произошло несколько стычек с полицией: на углу Большой и Малой дворянской, у Казанского моста, на Невском проспекте, у Верхнелебяжьего моста, на Литейном проспекте и т. д. Размах и характер движения заставили царское правительство принять чрезвычайные меры. Уже с двух часов дня общее руководство подавлением «беспорядков» перешло из рук градоначальника генерала Балк в руки военных властей. На помощь полиции выслали казаков и драгун. В тот же день Выборгский комитет партии большевиков принял решение не прекращать забастовки и превратить ее во всеобщую стачку.

На следующий день, 24 февраля, на фабриках и заводах с утра проходили митинги. Большинство крупных предприятий к работе не приступало. В этот день, по данным полиции, бастовало 197 тыс. рабочих. Демонстрации в городе проходили уже более организованно, преобладали революционные лозунги—«Долой царя!», «Долой войну!» и др. Уже к 9 часам утра к Литейному мосту двинулась сорокатысячная демонстрация рабочих Выборгской стороны. Прорвав цепь полиции и казаков, демонстранты двинулись к центру—на Невский проспект. Наиболее крупные демонстрации происходили у Казанского собора и на Знаменской площади. В районах Выборгском, Петроградском и др. почти полностью было остановлено трамвайное движение. Как и накануне, в этот день против демонстрантов в подавлении движения участвовали преимущественно пешая и конная полиция и казаки, но нередко казаки выражали сочувствие демонстрирующим. Так, на Знаменской площади демон-

страны прогнали конных городовых при полном бездействии со стороны казаков.

По призыву бюро ЦК большевистской партии—«вовлечь в борьбу солдат» рабочие и работницы всячески старались привлечь солдат на свою сторону. С этой целью рабочие заговаривали с кавалерийскими разъездами, группами солдат, часовыми у казарм, разъясняли им цели борьбы и единство интересов в борьбе с самодержавием рабочих и солдат. Как рассказывают старые рабочие—участники февральских событий, в ряде случаев солдаты высказывали явное сочувствие демонстрантам-рабочим. Для того чтобы «успокоить» население, генерал Хабалов, командующий войсками Петроградского военного округа, издал объявление о том, что в Петрограде имеется достаточный запас муки и хлеба. Но события уже переросли характер «продовольственных беспорядков», как это представляли еще себе полиция и военные власти. Рабочие массы Петрограда под непосредственным руководством большевистской партии перешли уже к открытой *вооруженной* борьбе против самодержавия.

25 февраля среди рабочих распространялись большевистские листовки, призывавшие к решительной борьбе против монархии. В этот день бастовали уже не только крупные предприятия Петрограда,—прекратили работу все заводы, трамвайные парки, мелкие мастерские и торговые заведения. Несмотря на то, что центр города был превращен в сплошной военный лагерь, рабочие демонстрации двигались к центру, и их схватки с полицией становились все ожесточеннее. Рабочие уже не только оборонялись, но в ряде случаев переходили в наступление, разоружая не только отдельных полицейских, но и целые отряды. На Нижегородской улице у Литейного моста был убит командовавший отрядом полицмейстер Выборгской части. На Знаменской площади рабочими и

казаками был разогнан отряд полицейских и убит пристав Крылов. Войска и особенно казаки совершенно явно не хотели оказывать помощи полиции в подавлении восставших. На Васильевском острове сотня казаков отказалась выполнить приказание пристава и своего командира о разгоне демонстрантов. У Казанского собора казаки 4-го Донского полка отбили арестованных у городовых.

Вечером командующий войсками генерал Хабалов получил из Ставки телеграмму Николая II: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай II». В тот же вечер на совещании начальников районов войсковой охраны в здании градоначальника генерал Хабалов огласил «высочайшее распоряжение» и предложил им действовать беспощадно при подавлении «беспорядков». После победы Февральской революции генерал Хабалов при допросе его в следственной комиссии рассказывал: «Эта телеграмма... меня хватила обухом... Как прекратить завтра же?.. Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: «Хлеба дать»,—дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «Долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит? Но что же делать? Царь велел. Стрелять надо».

Но стрелять пытались царские сатрапы и до «высочайшего повеления». Так, днем 25 февраля на Трубочном заводе офицер, командовавший отрядом, застрелил одного рабочего; были случаи обстрела демонстрантов и на Невском проспекте. Радикальное «средство» царского министра во время революции 1905—1907 гг.— «патронов не жалеть» было с «высочайшего» разрешения снова пущено в ход в борьбе с «крамолой». Царское правительство готовилось старым испытанным способом дать генеральный бой революционным рабочим. С фронта

в Петроград вызывались надежные войска, в столице организовывались засады и заграждения, на крышах домов и в полицейских участках расставлялись пулеметы.

Петербургский комитет большевистской партии все эти дни вел огромную организационную и агитационную работу в массах; он выпустил воззвания к рабочим и работницам Петрограда, в которых говорил о том, что их выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок и в других странах. В тот же день была выпущена листовка «Обращение к солдатам». «Третий день,—говорилось в листовке,—мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель наших жен и детей, матерей и братьев. Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне. Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»[1]

Петербургский комитет и бюро ЦК партии большевиков непосредственно руководили районными и низовыми большевистскими организациями, направляя развернувшееся движение масс на революционный путь, применяя братание рабочих с солдатами, вовлекая последних в борьбу против самодержавия. В эти дни на улицах Петрограда было убито полицией много членов большевистской партии и несколько членов Петербургского комитета.

Царское правительство с своей стороны, готовясь дать генеральный бой восставшим рабочим, в ночь с 25 на

---

[1] «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г.», сб. материалов и документов, стр. 11, Ленгиз, 1932 г.

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Граждане! Твердыни русскаго царизма пали. Благоденствіе царской шайки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Столица въ рукахъ возставшаго народа. Части революціонныхъ войскъ стали на сторону возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія должны спасти страну отъ окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усиліями, кровью и жизнями русскій народъ стряхнулъ съ себя вѣковое рабство.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи создать **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго нарождающагося **республиканскаго** строя

Временное революціонное правительство должно взять на себя созданіе временныхъ законовъ, защищающихъ **всѣ права и вольности народа, конфискацію монастырскихъ, помѣщичьихъ, кабинетскихъ и удѣльныхъ земель и передать ихъ народу, введеніе 8-часового рабочаго дня и созывъ учредительнаго собранія** на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Временное революціонное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія продовольствія населенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ полные запасы, заготовленные прежнимъ правительствомъ и городскимъ самоуправленіемъ.

Гидра реакціи можетъ еще поднять свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства подавить всякіе противонародные контръ-революціонные замыслы.

Немедленная и неотложная задача революціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также возставшіе войска должны немедленно выбрать своихъ представителей во временное революціонное правительство, которое должно быть созвано подъ охраной возставшаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, жены и матери! **Всѣ** на борьбу! Къ открытой борьбѣ съ царской властью и ея приспѣшниками!

По всей Россіи поднимается красное знамя возстанія! По всей Россіи берите въ свои руки дѣло свободы, свергайте царскихъ холоповъ, зовите солдатъ на борьбу.

По всей Россіи по городамъ и селамъ создавайте правительство революціоннаго народа.

Граждане! Братскими, дружными усиліями возставшихъ мы закрѣпили нарождающійся новый строй свободы на развалинахъ самодержавія!

Впередъ! Возврата нѣтъ! Безпощадная борьба!

Подъ красное знамя революціи!

Да здравствуетъ демократическая республика!

Да здравствуетъ революціонный рабочій классъ!

Да здравствуетъ революціонный народъ и возставшая армія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Манифест Центрального комитета РСДРП (большевиков) от 26 февраля 1917 года с призывом к созданию Временного революционного правительства

26 февраля произвело в городе многочисленные аресты большевиков; было арестовано пять членов Петербургского комитета большевиков. Но охранке и правительству не удалось сломить и дезорганизовать ряды большевиков. Выборгский райком, собравшийся утром 26 февраля на ст. Удельной, по предложению бюро ЦК принял на себя функции Петербургского комитета и разработал подробный план вооруженного восстания.

26 февраля был воскресный день, и в столице с утра было несколько спокойнее. Это внешнее спокойствие генерал Хабалов расценил как свою победу и телеграфировал в Ставку: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». Но уже с 12 часов начались демонстрации. Несмотря на стрельбу полиции и войск, восставшие рабочие проявили настойчивость и активность. Охранка в этот день сообщала: «Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу».

В 4 часа дня часть солдат восставшей 4-й роты Павловского запасного полка вместе с рабочими вступили в стычку с полицией у Екатерининского канала. В этот день по всему городу шли вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками. По донесениям полиции, в четырех пунктах города войска встретили демонстрантов ружейным и пулеметным огнем.

На Знаменской площади было убито около 40 человек; на Рождественской улице было убито 10 человек и несколько человек ранено; на углу Невского проспекта и Садовой улицы «убитых и раненых толпа унесла с собой», как сообщала охранка; на углу Невского и Владимирского проспектов также были убитые и раненые. День, который генералом Хабаловым был

признан спокойным, закончился открытой гражданской войной и победой на стороне царского правительства. Большевики в этот же день в рабочих районах организовали боевые дружины из вооруженных рабочих.

Меньшевики, напуганные первой победой царского правительства, выступили против создания боевых дружин и агитировали за прекращение выступлений.

Героическая борьба рабочих против самодержавия в первые три дня революции сыграла решающую роль в переломе настроения в солдатских массах. Под влиянием агитации большевиков и рабочих в ночь с 26 на 27 февраля в казармах Петроградского гарнизона шло глухое брожение, а утром оно вылилось в открытый бунт против царя. *27 февраля начался массовый переход солдат на сторону восставших.* В 8 часов утра выступила учебная команда лейб-гвардии Волынского полка. Солдаты учебной команды убили начальника команды штабс-капитана Лашкевича, пытавшегося остановить солдат, и под командой унтер-офицера Кирпичникова выступили на улицу. К ним присоединились солдаты других рот и батальонов этого полка. К волынцам вскоре примкнули солдаты Преображенского гвардейского полка и саперы. Открыв полковые склады и разобрав патроны и пулеметы, солдаты вместе с рабочими двинулись по Кирочной и Литейному на Выборгскую сторону. Навстречу этой вооруженной массе с Выборгской стороны шли вооруженные рабочие, захватившие арсенал.

«Произошло непосредственное слияние неорганизованного солдатского бунта с революционным пролетарским движением. Вооруженные рабочие возглавили восставших солдат. Движение превратилось в революцию, вооруженной рукой свергающую царизм»[1].

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 103, Огиз, 1936 г.

Восставшими рабочими и солдатами были взяты Главное артиллерийское управление и склады патронного завода. Из тюрем были выпущены революционеры, которые тут же включились в борьбу восставших. В течение дня рабочие, матросы и солдаты выбивали из последних гнезд и засад (полицейских участков, чердаков) засевших там городовых, жандармов и охранников.

Пожаром были охвачены здания охранного отделения, главного тюремного отделения, здание судебных установлений и полицейские участки.

Уже к вечеру столица была полностью в руках восставших рабочих и солдат. На стороне царизма остались лишь незначительные воинские части, преимущественно части особо укомплектованные и юнкера военных училищ. Даже сформированный генералом Хабаловым сводный отряд под командой полковника Кутепова из 6 пехотных рот, при 15 пулеметах и приданной к нему кавалерии, был бессилен оказать какое-либо сопротивление и в конце концов перешел на сторону восставших.

О том, как росло влияние восставших рабочих на солдат, с какой быстротой нарастала революция в армии, дают представление следующие цифры о переходе Петроградского гарнизона на сторону революции[1]:

Месяц и день	Время дня	Общее количество восставших
Февраль 26	3—6 часов дня	600 человек
» 27	утром	10 200 »
» 27	днем	25 700 »
» 27	вечером	66 700 »
» 28	утром	72 700 »
» 28	днем	112 000 »
» 28	вечером	127 000 »
Март 1	утром	144 700 »
» 1	днем около	170 000 »

[1] «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г.», сб. материалов и документов, стр. VI, Ленгиз, 1932 г.

Взятие Литовского замка в Петрограде

Эти цифры говорят о том, что в течение четырех дней весь гарнизон столицы перешел на сторону революции.

Еще утром 28 февраля командующий военным округом генерал Хабалов мог донести в Ставку царя, что в Адмиралтействе, этой последней цитадели правительства, число «оставшихся верными долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников, при 15 пулеметах и 12 орудиях», а вечером не существовало уже и этого «гарнизона»—он был разоружен восставшими. 1 марта был арестован и сам начальник этого последнего «гарнизона»—генерал Хабалов.

Вначале в Ставке царя событиям в столице не придавали особенно серьезного значения, тем более что и информация была самая успокоительная. Протопопов (министр внутренних дел) и генерал Хабалов посылали в Ставку сводки в самых победных выражениях и обещали покончить с революционным движением. Подобный же характер носила «информация», шедшая от царицы. 25 февраля она писала:

«Это *хулиганское* движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,—просто для того, чтобы создать возбуждение,—и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам». После такой «информации» царь не особенно беспокоился. Но как только в Ставке уяснили себе серьезность положения, немедленно была развита энергичная деятельность по отправке войск с фронта для подавления восстания.

Николай II решил сам ехать в Петроград, но добрался только до станции Дно. Затем повернул в Псков, где ему стало известно о победе революции.

27 февраля генерал Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего, отдал срочные распоря-

жения главнокомандующим северным и западным фронтами: «Отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде для георгиевского батальона».

Приказом царя генерал Хабалов был отстранен от должности, начальником карательной экспедиции и командующим Петроградским военным округом был назначен генерал Иванов, который в 1905 г. подавил восстание в Кронштадте. В сопровождении георгиевского батальона он срочно прибыл 27 февраля из Ставки в Царское Село. К Петрограду подтягивались надежные части, и генерал Иванов готовился, как он сам позже признался, уложить, если потребуется, десятки тысяч человек, но подавить восстание в столице. Однако расчеты воинственного усмирителя были опрокинуты теми, кого он собирался «уложить». Войска карательной экспедиции, как только входили в соприкосновение с восставшими рабочими и крестьянами, сейчас же переходили на сторону революции. Попытка царя подавить восстание с помощью фронтовых частей провалилась.

Героические рабочие Петрограда в союзе с солдатскими, крестьянскими массами в вооруженном восстании победили царизм и *27 февраля 1917 г. свергли самодержавие* в лице царствовавшей более трехсот лет в России монархии Романовых.

Основной вопрос буржуазно-демократической революции—свержение самодержавия—был решен. «Телега залитой кровью и грязью Романовской монархии»[1] опрокинулась сразу.

Ленин, объясняя, почему революция победила так быстро, писал:

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 14.

«Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти в *интересах продолжения империалистской войны*... Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*»[1].

В начале событий в Февральские дни буржуазия питала некоторую надежду использовать революционное движение для того, чтобы принудить царское правительство к уступкам в ее интересах. Когда же движение развернулось в вооруженное восстание рабочих и солдат, буржуазию охватила паника. Родзянко посылал царю телеграммы, в которых умолял его в интересах сохранения династии пойти на уступки. Буржуазия все время вела переговоры с правительством об уступках, в головах ее вождей рождались всякие планы подавления восстания. Она хотела организовать военную диктатуру, задача которой—восстановить «порядок».

Когда 26 февраля был получен царский приказ о роспуске Думы, трусливая буржуазия покорно этому подчинилась. Даже в день полного торжества революции—27 февраля председатель Думы Родзянко не осмелился

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 16—17.

открыть заседание Думы, а устроил в полуциркульном зале Таврического дворца частное совещание. На этом частном совещании после долгих прений было решено создать Временный комитет Государственной думы, задачей которого было «водворение порядка в Петрограде и сношения с учреждениями и лицами». Это решение было принято после того, как выяснилось, что рабочие и солдаты победили.

Убедившись в невозможности помешать восстанию, буржуазия решилась взять на себя функции исполнительной власти. Настроения вождей буржуазии красочно изобразил монархист Шульгин в своей книге «Дни».

«Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет—бунт или не бунт?

— Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу итти. Но, с другой стороны, правительства нет... Что делать? Как быть? Как же быть?..

Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

— Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный... Берите потому, что держава Российская не может быть без власти... Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется—государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах».

Буржуазия надеялась сохранить старый аппарат, она цеплялась за монархию и мечтала о том, как бы расправиться с непокорным народом. Один вид восставших

рабочих и солдат приводил вождей буржуазии в неистовое бешенство. «Пулеметов, вот чего мне хотелось,— признается Шульгин,—ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы—этот зверь был... его величество русский народ».

Но так же как буржуазии не удалось опередить революцию, ей не суждено было и остановить революционного восстания рабочих и солдат, вооруженной рукой свергнувших самодержавие. Окончилась неудачей и попытка царской Ставки разгромить рабочих и солдат революционной столицы. Рабочие и солдаты, свергнув самодержавие, создали свой политический и организационный центр—Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Революция в Петрограде и свержение царизма нашло широкую и активную поддержку среди рабочих и солдат по всей России и на фронте.

Уже 26 и 27 февраля московская большевистская организация развила энергичную работу на заводах и фабриках Москвы за поддержку революционного выступления петроградских рабочих. Выпускались листовки, проводились митинги с разъяснением событий в Петрограде. По призыву большевиков 27 февраля на многих фабриках и заводах произошли забастовки. Забастовали рабочие завода Тильманса, завода Грачева, Мамонтовской фабрики и других. Рабочие бастующих заводов агитировали и снимали с работы своих соседей. Весь день по Москве проходили рабочие демонстрации с революционными лозунгами, в которых принимали участие и солдаты. 28 февраля в Москве проходила политическая забастовка. Все чаще и чаще среди рабочих демонстрантов появлялись солдаты. Так, у Спасских

казарм к демонстрантам присоединилось свыше 300 человек солдат. Рабочие завода Михельсона и других шли по призыву большевиков в казармы, а на огромном митинге на Воскресенской площади (теперь площадь Революции) рабочие обращались с призывами к солдатам о совместной борьбе против царизма.

В ряде случаев солдаты отказывались выполнять приказы своих офицеров. Так, когда рабочие снимали караул у одной из тюрем, чтобы освободить политических заключенных, офицер приказал стрелять в демонстрантов, но солдаты бросили винтовки и присоединились к демонстрантам.

1 марта в Москве командующий Московским военным округом генерал Морозовский ввел осадное положение. В ряде пунктов города (на Каменном, Яузском мостах) происходили столкновения рабочих и перешедших на сторону революции солдат с полицией и правительственными войсками. С обеих сторон имелись убитые и раненые. Весь день происходило разоружение полиции, из Бутырской тюрьмы демонстрантами были освобождены все политические заключенные.

Под влиянием агитации рабочих и поступивших сведений о победе революции в Петрограде солдаты Московского гарнизона переходили на сторону революции, и к полуночи 1 марта в Москве не было ни одной воинской части, не присоединившейся к революции. Исключение составляли лишь юнкера Алексеевского и Александровского военных училищ, которых не только военное командование, но и московская буржуазия всячески охраняли от революционной «заразы». Эти училища были оплотом контрреволюционной буржуазии и в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

2 и 5 марта в Москве происходили крупные митинги и собрания рабочих и солдат. На митинге в Замоскво-

рецком районе, на котором присутствовало свыше двух тысяч человек, была принята большевистская резолюция о передаче «всей власти советам рабочих и солдатских депутатов» и о «вооружении народа». В Рогожском районе состоялось собрание представителей 27 заводов и фабрик района, на котором обсуждались вопросы об организации милиции и о снабжении населения продовольствием. 4 марта состоялось первое заседание Московского совета солдатских депутатов.

Командующий войсками Московского военного округа полковник Грузинов (назначенный вместо арестованного Московским советом генерала Морозовского) пытался создать в противовес совету солдатских депутатов «объединение офицеров и солдат», но даже на созванном им по этому вопросу совещании представителей частей была принята резолюция об организации самостоятельного совета солдатских депутатов. Московские рабочие и солдаты вопреки буржуазии создали свои советы, комитеты и профсоюзы, закрепляя победу революции над самодержавием.

Во всей стране рабочие под руководством большевиков были инициаторами и руководителями революционных выступлений. Всюду они увлекали за собой солдат, вместе с ними разоружали городовых и жандармов, свергали царских чиновников и создавали свои политические организационные центры—советы рабочих и солдатских депутатов.

Уже 1 марта советы рабочих и солдатских депутатов были в Москве, Самаре, Саратове и других городах России. Организация советов отражала собой руководящую роль рабочего класса в революции. Рабочий класс в провинции создавал свои организационно-политические центры немедленно после уничтожения на местах аппарата старого, самодержавного строя.

В Иваново-Вознесенске о свержении самодержавия узнали рабочие 1 марта. Местная газета так описывает это событие: «...Вечером 1 марта узнали, что в Петрограде свергли царя.

Ждать было нечего. Эта давно желанная весть всколыхнула рабочих: загорелись огнем надежды их сердца, на душе было радостно. Радость радостью, но все рабочие чувствовали и сознавали, что нужно сейчас же, немедленно приняться за дело. По опыту 1905 года рабочие быстро сообразили, что нужно организоваться, нужно брать власть в свои руки. Решено было 2 марта кончить работу и выходить на городскую площадь, к зданию городской управы. Были произнесены первые свободные речи о значении петроградских событий. Рабочие всего города узнали о своем освобождении от тиранов-царей. Площадь огласилась криками: «Да здравствует свободная Россия!»

Тут же вносились предложения об избрании совета рабочих депутатов от фабрик и заводов по два человека от предприятия. 3 марта рабочие с пением революционных песен и флагами направились к казармам...

Всю ночь продолжалась усиленная и напряженная подготовительная работа к созыву совета рабочих депутатов».

Бакинская газета писала: «Могучей волной прокатилась по всей России весть о свободе. До нас она докатилась только 2 марта. 2 марта была получена телеграмма, что старая власть рухнула и что организуется новая власть».

В городе и в районах состоялись митинги: в Балаханах, например, был митинг, на котором присутствовало около 15 тыс. человек.

6 марта большая часть рабочих уже выбрала депутатов, и вечером состоялось первое заседание совета.

Был выбран президиум. Председатель—С. Г. Шаумян. Был выбран также и исполнительный комитет.

В конце марта в Саратове состоялся первый областной съезд советов Поволжья, на котором делегаты Пензы, Астрахани, Самары, Оренбурга рассказывали о борьбе за организацию советов. Всюду инициаторами создания советов были рабочие, руководимые большевиками.

В Екатеринодаре 1 марта 1917 г. генерал Бабич, начальник области, получил телеграммы о перевороте, но решил их до поры до времени скрыть. Лишь благодаря тому, что на телеграфе у большевиков имелись информаторы, эти телеграммы стали известны организации. Большевиками была проведена немедленная организация совета рабочих депутатов, в котором господствующими партиями на первых порах были меньшевики и эсеры. Из 240—250 членов совета большевиков было десятка два—три. Из состава совета был выделен временный исполнительный комитет в количестве 9 человек, в который вошли три большевика.

В Армавире телеграммы о событиях в столице были получены 2 марта. По инициативе местных большевиков рабочие немедленно приступили к организации совета рабочих депутатов: от 25 рабочих выбирался 1 делегат. Вечером совет рабочих депутатов города Армавира в количестве 45 человек уже заседал. Одним из первых действий революционных масс был роспуск прежнего состава городской думы. Вслед за этим состоялась демонстрация, на которую революционные массы заставили начальника местного гарнизона Филимонова (будущего атамана Кубанского войска) вывести войска. Филимонов категорически возражал против участия гарнизона в митинге, но под напором революционных масс ему пришлось на это согласиться. Вечером 4 марта от

Февральская революция. С картины художника Кузнецова

8-тысячного гарнизона города Армавира явилось 65 делегатов в совет рабочих депутатов. На этом заседании была оформлена организация Армавирского совета рабочих и солдатских депутатов и был избран исполнительный комитет в составе 9 человек.

Так во всех концах бывшей царской России рабочий класс и крестьяне закрепляли свою победу над самодержавием.

Одновременно под руководством большевистской партии с первых же дней революции в промышленных центрах страны началась организация профессиональных союзов, создание фабрично-заводских комитетов.

Надо иметь в виду, что до Февральской буржуазно-демократической революции в России не было профсоюзов, которые бы охватывали широкие массы рабочих. Ни в годы первой русской революции (1905—1907), ни в годы нового революционного подъема (1911—1913) профсоюзы не стали еще массовыми организациями. Во время империалистической войны профсоюзы почти повсеместно были закрыты царским правительством. «Настоящие профсоюзы появились у нас только после февраля 1917 г.»[1]. Февральская революция дала исключительно сильный толчок развитию профессионального движения. После революции возобновил свою деятельность ряд профсоюзов, которые в разное время были разгромлены охранкой. Возникли новые профсоюзы, создались такие организации, как фабрично-заводские комитеты на предприятиях, которые были выражением революционной активности масс и не имели ничего общего с меньшевистскими «комитетами старост» и другими подобными организациями. За период март—апрель

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 116, изд. 9-е.

1917 г. в России организовалось, например, свыше 2 тыс. различных профсоюзов.

Большевистская партия придавала огромное значение организации профсоюзного движения, этой боевой форме классового объединения рабочих масс в их экономической и политической борьбе против буржуазии. На этом фронте организации сил рабочего класса большевистской партии пришлось выдержать огромную борьбу с меньшевиками, которые, верные своей политике сотрудничества с буржуазией, пытались превратить профсоюзы и после победы революции в организации «классового мира» и «классового сотрудничества» с буржуазией.

С первого дня революции в Петрограде, Москве и во всех других городах профсоюзы и фабрично-заводские комитеты явились ареной напряженной борьбы большевистской партии за массы. Настойчивая работа большевистской партии внутри профсоюзов, твердое проведение тактики единого фронта рабочих на пути к Октябрьской социалистической революции, разоблачение предательской роли меньшевистских руководителей профсоюзов—все это завершилось сплочением профсоюзов и фабрично-заводских комитетов под единым руководством большевиков.

ПОЧЕМУ БУРЖУАЗИЯ ВСТАЛА У ВЛАСТИ?

Рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, совершили революцию. Всюду, где рабочие и солдаты узнавали о восстании и свержении царя в Петрограде, они выходили на улицы, сражались с полицией и жандармерией, арестовывали представителей старой государственной власти, создавали советы рабочих и солдатских депутатов.

> «Революцию,—писал Ленин,—совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения»[1].

Сама революция в феврале 1917 г. не была каким-то «стихийным процессом», как это утверждают буржуазные и троцкистские «историки» вроде Шляпникова. Революция подготовлялась долголетней работой большевистской партии в рядах рабочего класса и в армии в годы империалистической войны.

Рабочий класс и крестьянство России прошли школу революционной борьбы против царизма в первой русской революции, которая явилась, по определению Ленина, «генеральной репетицией».

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 23—24.

«Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов,—писал Ленин,—невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии»[1].

Большевистская партия непосредственно руководила борьбой рабочих и крестьян в первой русской революции, она самоотверженно работала над организацией сил рабочего класса в годы жесточайшей контрреволюции. Партия встала во главе массового рабочего движения в годы его нового подъема—накануне мировой империалистической войны. Она указала рабочему классу и крестьянству на единственно возможный революционный выход из затеянной царем и буржуазией войны. Большевистская партия возглавила рабочий класс, когда он выступил как застрельщик и руководитель солдатских и крестьянских масс в борьбе против царизма в Февральские дни 1917 г.

Советы рабочих и солдатских депутатов, созданные в Петрограде в день свержения самодержавия—27 февраля, опирались на революционный рабочий класс и армию, они располагали властью в стране. И все же плоды победы рабочих и солдат над царизмом достались не им, а буржуазии, которая боялась революции и ненавидела ее.

Буржуазией «для водворения порядка в стране» был создан Временный комитет Государственной думы. В него вошли Родзянко, Коновалов, князь Львов, Шульгин, Милюков и др. «Водворение порядка» мыслилось буржуазией как подавление революции. Недаром, когда

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 14.

рабочие и солдаты сражались на улицах Петрограда, председатель Государственной думы, а затем и Временного комитета, Родзянко вел торг с царской Ставкой, пытаясь спасти монархию и добиваясь от царя правительства, способного обеспечить победу в войне и над революцией. 26 февраля он послал царю телеграмму, в которой писал: «Положение серьезное. В столице анархия... необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя... Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». 27 февраля Родзянко снова взывал к царю: «Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Но, пока шла торговля между буржуазией и царем о власти, «судьба династии» была решена рабочими и солдатами. Все министры были уже арестованы, и царского правительства не существовало. Буржуазии ничего не оставалось делать, как «присоединиться» к революции, чтобы затем попытаться задушить ее.

Однако, решив взять власть, Временный комитет Государственной думы спешил телеграммой в царскую Ставку «узаконить» эту власть: «Чернь начинает завладевать положением, и комитет Государственной думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя». О своем «бремени» власти он пишет в опубликованном к населению обращении: «Временный комитет членов Государственной думы... нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка».

Понимая бессилие и призрачность своей власти

без поддержки армии, буржуазия сразу же поставила задачу—добиться единовластия и перетянуть на свою сторону армию. Но это возможно было только при условии подчинения солдатских масс офицерскому руководству. С этой целью при Временном комитете была создана Военная комиссия во главе с полковником Энгельгардтом (членом Государственной думы), в которую вошло много офицеров и генералов. Этому же были посвящены все речи лидеров буржуазии перед солдатами революционных частей гарнизона. Так, Родзянко, выступая перед солдатами Преображенского, Гренадерского и 9-го Кавалерийского полков, убеждал солдат сдать оружие и советовал им: «Слушайтесь своих офицеров, ждите их приказаний—они вас дурному не научат». Милюков, выступая 28 февраля перед Гренадерским полком, также призывал солдат к подчинению «единой власти». «Властью этой,—убеждал солдат Милюков,—является Временный комитет Государственной думы. Ему нужно подчиняться и никакой другой власти, ибо двоевластие опасно». В своем выступлении перед офицерами 1-го Запасного полка (на Охте) Милюков совершенно недвусмысленно высказал свои расчеты на армию в борьбе *за единовластие* буржуазии. «Единственная власть,—говорил он,—которую *все* должны слушать,—это Временный комитет. Двоевластия быть не может. Задача комитета—восстановить порядок... Для этого комитету необходимо содействие военной силы».

Однако солдаты не следовали советам буржуазных «агитаторов» и предпочитали иметь дело и подчиняться только своему органу *действительной* власти—Совету рабочих и солдатских депутатов.

1 марта на объединенном заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов после бурного

обсуждения вопроса об отношении солдат к офицерам, возвращавшимся в части, из которых они разбежались или были изгнаны в первые дни революции, и обсуждения выступления Родзянко в Думе о сдаче оружия солдатами было принято постановление: оружие не сдавать и подчиняться лишь Совету. Под давлением солдат на том же заседании был выработан первый революционный приказ по войскам Петроградского военного округа, сыгравший огромную революционную роль в жизни всей бывшей царской армии. Приказ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был принят с огромным энтузиазмом солдатскими массами на фронте и во всей стране; он положил конец всем классовым привилегиям офицерства, столетиями внедряемым в царской армии. Приводим этот замечательный документ полностью:

ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов,

избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Приказ № 1 выбивал почву из-под ног буржуазии в ее борьбе за армию, за подчинение солдат офицерскому руководству. Приказ превращал Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в действительную и всеобъемлющую революционную власть.

Когда буржуазии стало очевидно, что власть Временного комитета в действительности весьма призрачна, что без Совета вообще никакой власти ей добиться невозможно, она взяла на себя инициативу создания «правительства революции». У Совета, по горькому и вынужденному признанию Родзянко, была «власть и сила». Руководители Совета—меньшевики и эсеры, с своей стороны обсуждая проблему власти, были убеждены, что может быть создано только буржуазное правительство. И хотя Совет рабочих и солдатских депутатов был единственным органом власти, который располагал всеми *реальными* возможностями объявить себя государственным органом власти, большинство в Совете, состоявшее из меньшевиков и эсеров, добровольно передало буржуазии власть.

Меньшевики и эсеры считали, что Февральская революция была буржуазной не только потому, что она покончила с царским полукрепостным режимом, но и потому, что буржуазия, по их мнению, была единственной руководящей силой в этой революции. На этих позициях меньшевики стояли и в первой русской революции 1905—1907 гг., на этих позициях они остались и после того, как рабочие и солдаты свергли самодер-

Приказъ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдат. Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

жавный строй вопреки воле буржуазии и при явной ее ненависти к революции. Меньшевистские лидеры и «теоретики» продолжали утверждать, что буржуазии была «уготовлена роль хозяина-распорядителя», что «власть, идущая на смену царизму, должна быть буржуазной... иначе... революция погибнет».

Через два месяца после революции на своей конференции меньшевики еще раз признали, что рабочий класс должен итти в ногу «с творческой силой, с капиталистической буржуазией, единственной исторической силой, становым хребтом российской революции». Эти позиции меньшевиков и эсеров определили соглашение между буржуазией и меньшевистско-эсеровским руководством Петроградского совета по вопросу о создании правительства.

Революция началась и закончилась победой рабочих и солдат над царизмом против воли и желания буржуазии. Гегемоном, руководителем в революции всюду выступал рабочий класс. Но все нарастающий размах революции пугал не только буржуазию, но и лидеров мелкобуржуазных партий. Руководители Совета—меньшевики и эсеры готовы были силой навязать «бремя власти» буржуазии—единственному, по их мнению, «хозяину-распорядителю». Руководство Совета решило *вручить* власть буржуазии, предоставив Временному комитету Государственной думы по его усмотрению составить правительство. Решено было в состав правительства не входить и передать власть ему на следующих условиях: 1) объявление полной амнистии по всем политическим и религиозным делам; 2) свобода слова, союзов, собраний и стачек; 3) отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений; 4) замена полиции милицией; 5) демократические выборы в органы местного управления; 6) отказ правительства от всяких

шагов, предрешающих будущую форму правления, до созыва Учредительного собрания; 7) невывод и неразоружение революционных полков; 8) гражданские права для солдат.

Меньшевистско-эсеровские руководители Совета нарочито обошли, чтобы не запугать буржуазию, такие острые вопросы революции, как вопрос о земле, о мире, о восьмичасовом рабочем дне. Но даже те скромные условия, которые выставлялись руководством Совета, встретили возражения таких представителей буржуазии, как Милюков, который тут же принялся уговаривать представителей Совета, чтобы они согласились принять монархию. Милюков предложил старую программу буржуазии—посадить на престол вместо Николая его сына Алексея при регенте Михаиле. Милюков при этом припугнул мелкобуржуазных представителей Совета, заявив им: «Мы... шли к власти не путем революции. Этот путь мы отвергли... Если революцию продолжать, завершать, закреплять, то необходимо демократии быть готовой взять на себя одной всю тяжесть... имея против себя объединение сил царизма и всех имущих классов».

Торговля вокруг соглашения о форме власти закончилась компромиссной формулировкой, ни к чему не обязывающей Милюкова и буржуазию:

«Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны».

Милюков потребовал от представителей Совета, чтобы Совет опубликовал от своего имени декларацию о том, что правительство образовалось по соглашению с Советом рабочих депутатов и потому заслуживает доверия масс, и чтобы в декларации обязательно было указано о необходимости признания солдатами своих офицеров.

Переговоры о вручении власти буржуазии происходили 1 марта. Рано утром 2 марта представители Совета и Временного комитета Государственной думы собрались снова. Милюкову не понравилась декларация, написанная представителями Совета. Он сам написал декларацию Исполнительного комитета Совета об его отношении к правительству буржуазии.

Переговоры меньшевистско-эсеровского руководства Совета с Комитетом Государственной думы и вся картина того, как они проходили, с особой яркостью вскрывают отношения между правительством буржуазии и мелкобуржуазными руководителями Совета, сложившиеся с первых же дней революции.

Мелкобуржуазные руководители Совета—меньшевики и эсеры *добровольно* уступили власть буржуазии, ненавидевшей революцию и мечтавшей о ее задушении.

2 марта было создано Временное правительство, состоящее из представителей верхушки финансово-промышленной и помещичьей буржуазии.

В правительство вошли: крупнейший землевладелец князь Г. Е. Львов—председатель и министр внутренних дел; миллионер М. И. Терещенко—министр финансов; крупный фабрикант А. И. Коновалов (прогрессист)—министр торговли и промышленности; московский купец А. И. Гучков (октябрист)—военный и морской министр; П. Н. Милюков (кадет)—министр иностранных дел; Н. В. Некрасов (кадет)—министр путей сообщения; А. И. Шингарев (кадет)—министр земледелия; А. А. Мануйлов (кадет)—министр просвещения; В. Н. Львов—обер-прокурор синода; И. В. Годнев—государственный контролер и А. Ф. Керенский (трудовик)—министр юстиции. Шестеро из новых министров входили в намечавшийся еще в 1915 г. список «министерства доверия».

«Это правительство,—писал Ленин,—не случайное сборище лиц.

Это—представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно *правит* нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контр-революции 1907—1914 годов, как наконец—и притом с особенной быстротой—за время войны 1914—1917 годов, чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже *у* власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»[1].

Так создалось правительство буржуазии, в руки которого перешла власть, но это правительство не могло бы просуществовать ни одного дня без Совета, на стороне которого были вооруженная сила и поддержка рабочих и крестьянских масс. Наличие второй и реальной власти, рожденной революцией при одновременном существовании буржуазного Временного правительства, создало в стране *двоевластие*.

«В чем состоит двоевластие?—писал Ленин.—В том, что рядом с Временным Правительством, правительством *буржуазии* сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое прави-*

---

[1] *Ленин*, Письма из далека, Соч., т. XX, стр. 17.

тельство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов»[1].

Советы рабочих и солдатских депутатов, будучи «настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян... могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть»[2], но они добровольно признали над собой власть Временного правительства и добровольно отдали завоеванную рабочими и крестьянами власть в руки буржуазии.

К моменту свержения царизма буржуазия оказалась организованнее, нежели рабочий класс и крестьянство. Эта организованность буржуазии особенно повысилась в годы империалистической войны, когда в конфликтах с царем из-за войны и борьбы с грядущей революцией буржуазия фактически подготовила свой аппарат власти.

Пролетариат же оказался менее подготовленным к захвату власти, чем буржуазия, прежде всего потому, что во время войны произошли значительные изменения в составе самого рабочего класса. Царское правительство в первую очередь мобилизовывало на войну рабочих, прошедших школу революционной борьбы с царизмом. Особенно отчетливо такая установка была высказана одним из царских генералов Ренненкампфом, палачом революции 1905 г.: «Для того чтобы успешно вести войну, прежде всего надо обезглавить революцию, т. е. произвести мобилизацию в рабочих районах так, чтобы она коснулась всех рабочих до 40-летнего возраста; оставшиеся же работать на оборону как военнообязанные вынуждены будут укротить революционный пыл».

Первая же мобилизация (17 июля 1914 г.) произвела

---

[1] *Ленин,* т. XX, стр. 94.

[2] *Ленин,* т. XXI, стр. 70.

опустошение на фабриках и заводах, оторвав от производства до 40% рабочих. Введение института военнообязанных на предприятиях, работающих на оборону, попутно с расширением числа работающих на фабриках и заводах вызвало огромный приток в промышленность новых рабочих, только в годы войны пришедших из деревни. Наряду с малоземельным и безземельным крестьянством в город шла известная часть зажиточного крестьянства, искавшего спасения от мобилизации на заводах и фабриках. К этому нужно добавить значительное увеличение применения женского труда и труда подростков по всем основным областям промышленности, привоз рабочей силы с отдаленных окраин и т. д.

Большевики—передовая часть рабочего класса— больше всех подвергались репрессиям самодержавия, многие из большевиков находились в далекой ссылке, эмиграции, на фронтах, многие погибли на войне. Этим объясняется, почему революционное фразерство меньшевиков и эсеров о «победе над врагом свободной России», о «защите революции от наступающего врага» увлекло политически незрелые массы, впервые пробужденные революцией к активной политической жизни. Миллионная масса обывателей и мелких буржуа подавляла своей численностью рабочий класс. Мелкобуржуазная волна «заразила,—писал Ленин,—захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику»[1].

Вот почему большевики, руководившие борьбой рабочих и солдат на баррикадах, фабриках и заводах, оказались в Петроградском совете в меньшинстве; большинство мест в Совете получили меньшевики и эсеры.

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 115.

Преобладанию меньшевиков и эсеров в советах способствовала также установленная Временным исполнительным комитетом Петроградского совета система выборов в советы. От каждой тысячи рабочих выбирался один депутат, и один депутат выбирался также и от каждого предприятия, имеющего менее тысячи рабочих. При этой системе крупнейшие заводы Петрограда, на которых было 87% рабочих, были представлены в Совете почти таким же количеством депутатов, что и остальные 13% рабочих, работавших на мелких предприятиях. Концентрация в связи с войной в городах больших масс солдат также не могла не отразиться на составе советов. Выборы солдатских депутатов, производившиеся по норме один депутат от роты или войсковой части, дали гарнизону почти вдвое больше мест, чем имел в составе Совета петроградский пролетариат.

Таким образом, депутаты ведущих революционных заводов тонули среди массы депутатов от мелких ремесленных предприятий и гарнизона, представленного в Совете солдатами—крестьянами, среди которых преобладали политически незрелые элементы. Все это определило состав Совета и объяснило, почему плоды победы рабочих и солдат достались на первых порах буржуазии.

Деятельность Петроградского совета служила примером и для местных советов. Ему стали подражать и обращаться к нему за разрешением спорных и неясных вопросов. Ходом событий Петроградский совет стал общепризнанным центром советов рабочих и солдатских депутатов. К концу марта советы были уже почти повсюду организованы. Так же как и в центре революции—в Петрограде, меньшевики и эсеры в первые дни революции закрепились в советах и в других городах страны.

Советы в провинции, как и в Петрограде, пользовались среди рабочих и солдат громадным авторитетом,—массы смотрели на советы как на единственные органы власти на местах. Назначенные в первых числах марта Временным правительством губернские комиссары симпатиями масс не пользовались. Несмотря на то, что в советах господствовали соглашатели, признававшие Временное правительство и его комиссаров единственными представителями власти, советы и в провинции под давлением масс часто вынуждены были брать на себя функции государственных органов.

Временное правительство, получившее поддержку Петроградского совета, решило во что бы то ни стало спасти монархию. Оно тайно от Петроградского совета послало к царю своих представителей—Гучкова и Шульгина. План буржуазии был очень несложен: добиться от Николая II отречения от престола в пользу своего сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Это был план, по выражению Гучкова, «маленькой революции—для большой войны».

2 марта, в день, когда Гучков и Шульгин выехали в Ставку к царю, Родзянко в разговоре по прямому проводу с генералом Рузским жаловался, что «настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не легко». Другой лидер буржуазии—Милюков «всенародно» излагал сокровенные планы буржуазии. На митинге в Таврическом дворце Милюков, припертый к стенке вопросами участников митинга, изложил этот план: «Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». В зале поднялся невообразимый шум и раздались крики:

«Но ведь это старая династия. Долой монархию! Да здравствует республика!»

Стараясь ослабить впечатление от своего заявления, Милюков продолжал:

«Да, господа, это старая династия, которой, может быть, не любите вы, а, может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто сейчас любим. Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую конституционную монархию. Быть может, другие представляют себе иначе. Но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный режим. Как только пройдет опасность и установится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания... на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России—мы или наши противники».

Это выступление Милюкова в защиту монархии было встречено враждебно не только участниками митинга. На заводах, фабриках и в казармах, где рабочие и солдаты горячо обсуждали заявление Милюкова, оно вызвало всеобщее негодование и возмущение. Напуганные всеобщим возбуждением, члены Временного правительства для «успокоения народа» решили заявить, что выступление Милюкова «является его личным мнением».

В то время как Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце, делегаты буржуазии—Гучков и Шульгин ехали в экстренном поезде из Петрограда в Псков для переговоров с царем. Они везли заранее заготовленный проект манифеста об отречении Нико-

лая II от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

При выполнении этой миссии посланцев буржуазии преследовал ряд неудач, доставивших им много неприятных часов. На станции Луга Гучков и Шульгин были задержаны рабочими и солдатами, и лишь с большим трудом им удалось убедить рабочих и солдат в том, что поездка в Псков «не преследует контрреволюционных целей». По приезде их в Псков Николай II заявил, что он передумал отказаться от престола в пользу сына Алексея и отрекается за себя и за сына в пользу брата Михаила. Царем руководили политические соображения—не рисковать сыном и выждать время, а отнюдь не отцовские чувства, на которые он ссылался в манифесте об отречении. Даже Милюков вынужден был заявить, что изменения первоначального текста манифеста были вызваны не отцовскими чувствами, а выражали «известную политическую заднюю мысль» царя.

Временное правительство, учитывая враждебное настроение рабочих и солдат в столице, решило не опубликовывать манифеста об отречении царя в пользу своего брата Михаила. Родзянко 3 марта в разговоре по прямому проводу с генералом Рузским умолял последнего без него не опубликовывать манифеста, мотивируя это тем, что, мол, в столице «вспыхнул... такой солдатский бунт, которому подобных я еще не видал». Хотя история с «солдатским бунтом» была фантазией Родзянко, но этот разговор подтвердил, что события, развернувшиеся в связи с выступлением Милюкова, заставили буржуазию понять, что о сохранении монархии не может быть и речи.

Буржуазия могла убедиться о настроении масс и по инциденту с Гучковым. Гучков, вернувшись из Пскова, отправился на митинг железнодорожников, происходив-

ший на вокзале. Прочитав там манифест, он закончил свою речь возгласом: «Да здравствует император Михаил!» В ответ раздались крики рабочих: «Долой царя!» Возмущенные рабочие потребовали немедленного ареста Гучкова.

Поняв всю безнадежность спасения монархии, члены Временного правительства—Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский и другие отправились к великому князю Михаилу; большинство из них уговаривало его отказаться от престола. Только Милюков и Гучков не советовали ему отказываться и обещали ему собрать вне Петрограда военную силу для защиты монархии. Но Михаил и сам понял, что на престоле ему не усидеть, и он в свою очередь «даровал» манифест об отречении... в пользу Временного правительства. Буржуазии не удалось спасти монархию, но зато ее власть стала вполне «законной». Эта власть была узаконена, во-первых, «высочайшим повелением» в виде указа правительственному сенату: «Князю Георгию Евгеньевичу Львову повелеваем быть председателем совета министров. Николай» (подписывая этот указ, Николай уже не был царем), и, во-вторых, Михаилом, который в своем манифесте об отречении призывал «всех граждан державы Российской *подчиниться* Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Насколько буржуазия старалась «законно» обставить свою власть, показывает и история назначения командующего Петроградским военным округом. После генерала Хабалова, смещенного царем «за нераспорядительность», командующим был назначен «высочайшим указом» генерал Иванов (начальник карательной экспедиции). Когда же затея Ставки подавить восставших рабочих и солдат вооруженной силой провалилась, Временное правительство обратилось 2 марта

«А посему признаем мы за благо отречься от престола государства Российского» (из манифеста Николая II).
Карикатура В. Дéни в журнале «Бич» № 1 за 1917 г.

к генералу Алексееву с просьбой назначить командующим Петроградским военным округом генерала Корнилова, на которого возлагались большие надежды в смысле «водворения порядка в столице». С «высочайшего соизволения» Временное правительство получило и своего «законного» командующего.

Буржуазия вопреки воле рабочих и солдат пыталась организовать поездку свергнутого царя Николая Романова за границу.

По рассказам английского посла Бьюкенена, 8 марта он имел свидание с Милюковым, который сказал, «что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно. Поэтому он был бы благодарен, если бы правительство его величества предложило ему убежище в Англии». Через некоторое время Бьюкенен получил согласие английского правительства и короля на выезд Николая Романова в Англию.

Решение Временного правительства об аресте бывшего царя и его семьи было вынесено лишь под давлением Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, но и тогда Временное правительство не отказалось от мысли препроводить бывшего царя за границу. Это видно из того, что в этот же день (7 марта) Керенский, выступая на заседании Московского совета и отвечая на возгласы рабочих и солдат: «Казните царя!»,—говорил: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам довезу его до Мурманска».

Отправкой Николая Романова и всей его семьи в Англию контрреволюционная буржуазия хотела сохранить это, хотя и потрепанное, знамя своей дальнейшей борьбы с революцией. У «социалиста» Керенского и в этом вопросе был единый и общий язык с буржуазией.

Рабочие и солдатские массы провалили попытку буржуазии спасти монархию. Надо было искать другой путь для разрешения главной задачи, которую поставила буржуазия,—уничтожение двоевластия.

Руководители буржуазии понимали, что всякое насилие над массами будет встречено сопротивлением рабочих и солдатских масс, а это в свою очередь будет лишь углублять революцию. И другой путь буржуазией был найден. Буржуазия заключила крепкий союз с меньшевистско-эсеровскими руководителями Совета. Основой этого блока была «оборона» от врага. За этот пункт и ухватилась как за важнейший козырь буржуазия.

Свержением самодержавия была решена основная задача буржуазно-демократической революции. Но на очереди дня стояли и другие важнейшие задачи революции: скорейшее прекращение империалистической войны, заключение мира, безвозмездная передача в руки крестьянства помещичьих и других земель и установление контроля рабочего класса над производством как единственной меры борьбы с хозяйственной разрухой, голодом и безработицей.

Рабочие и крестьяне, измученные войной, жаждали мира. Крестьяне, веками мечтавшие о земле, требовали разрешения аграрного вопроса.

Могла ли вставшая у власти буржуазия разрешить эти задачи?

Временное правительство, представлявшее интересы помещиков и буржуазии, не могло в силу своих классовых интересов разрешить вопросов о мире, о хлебе и о земле. Временное правительство Гучковых, Милюковых и Львовых рассматривало революцию как средство для продолжения империалистической войны до «победного конца». В течение своего восьмимесячного существо-

вания Временное правительство, а также и все происходившие различные совещания представителей буржуазии (конференции кадетской партии, совещания членов Государственной думы, съезды промышленников и т. д.) подтверждали нерушимость союза с англо-французским империализмом.

Временное правительство под давлением рабочих и солдат не раз было вынуждено выступать с заявлениями о «стремлении к миру без аннексий и контрибуций», но вся деятельность его была направлена на точное соблюдение всех существующих с союзниками договоров, на успешное завершение грабительской войны с завоеванием Дарданелл, Галиции и других территорий. Империалистический характер своей политики Временное правительство всячески прикрывало туманными «демократическими» лозунгами. С своей стороны, меньшевики и эсеры на основе заключенного с буржуазией блока были ярыми сторонниками продолжения войны. Выступая за сохранение военного союза с англо-французским империализмом, они всячески старались внушить массам, что война носит оборонный характер против германского империализма, что, продолжая войну, массы защищают революцию.

Рабочие и солдатские массы, свергнувшие царизм, ждали от революции прежде всего мира, и стремление буржуазии продолжать грабительскую войну несло для них новые чудовищные бедствия, обрекало их на голод и вымирание. И хотя мелкобуржуазным партиям удалось временно увлечь массы на путь «революционного оборончества», но по этому вопросу неизбежно должен был назреть конфликт между рабочими и солдатами, с одной стороны, и меньшевистско-эсеровским руководством советов—с другой.

Партия большевиков уже с первых дней образования буржуазного Временного правительства разоблачала политику соглашения с буржуазией, которую проводили меньшевики и эсеры. Большевики разъясняли массам, что у них—рабочих и крестьян есть иной путь, чем тот, на который их толкает меньшевистско-эсеровское руководство советов,—это путь взятия всей государственной власти в руки советов.

Еще 18 марта, вскоре после возвращения из ссылки, товарищ Сталин писал в большевистской газете «Правда», в статье «Об условиях победы русской революции», что для того, чтобы обеспечить закрепление и дальнейшее развитие революции, рабочие и крестьяне (солдаты) должны иметь свой орган власти и таким органом может быть лишь Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; но для того, чтобы победить буржуазию, рабочий класс должен располагать вооруженной силой, поэтому:

> «Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия—таково второе условие победы революции»[1].

Большевистская партия говорила массам, что Временное правительство и поддерживающее его меньшевистско-эсеровское руководство советов обманывают массы, криками о защите революции прикрывают продолжение империалистической, захватнической войны. Ленин, еще будучи вдалеке от России, писал 17 марта:

> «Война *не* перестала быть империалистской со стороны России...
>
> Отсюда ясно, что лозунг: мы защищаем *теперь* республику в России, мы ведем *теперь* «оборонительную войну», мы будем воевать с *Вильгель-*

[1] *Сталин*, На путях к Октябрю, стр. 8, Ленгиз, 1925 г., изд. 2-е.

мом, мы воюем *за* свержение Вильгельма, есть величайший обман, величайшее надувательство рабочих!! Ибо Гучков—Львов—Милюков и К⁰ суть помещики и капиталисты, представители *класса* помещиков и капиталистов, *империалисты*, воюющие за *те же* грабительские цели, на основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе *с той же* империалистской, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии»[1].

Только прихвостни буржуазии, вроде Каменева, стали в эти первые дни революции на меньшевистские, оборонческие позиции. Каменев, в начале войны предавший интересы партии и, как Иуда, отрекшийся от Ленина и от взглядов партии на войну, в 1917 г. в день опубликования царского манифеста об отречении послал вместе с местной буржуазией г. Ачинска приветственную телеграмму великому князю Михаилу. Возвратившись из ссылки в Петроград, Каменев вместе со всеми оборонцами из меньшевиков и эсеров писал «воинственные» статьи о «защите свободы», о том, что надо отвечать «на пулю—пулей, на снаряд—снарядом», призывал воевать с Вильгельмом и т. д. Эти оборонческие меньшевистские выступления Каменева были резко осуждены петербургской партийной организацией, а ряд оборонцев, как Войтинский, Северюк, были исключены из партии.

Разоблачение большевиками империалистической политики Временного правительства горячо воспринималось сознательными рабочими и солдатами.

Буржуазные же газеты с первых дней революции открыли широкую кампанию травли как большевиков, так и рабочих. Буржуазией была пущена клевета о том,

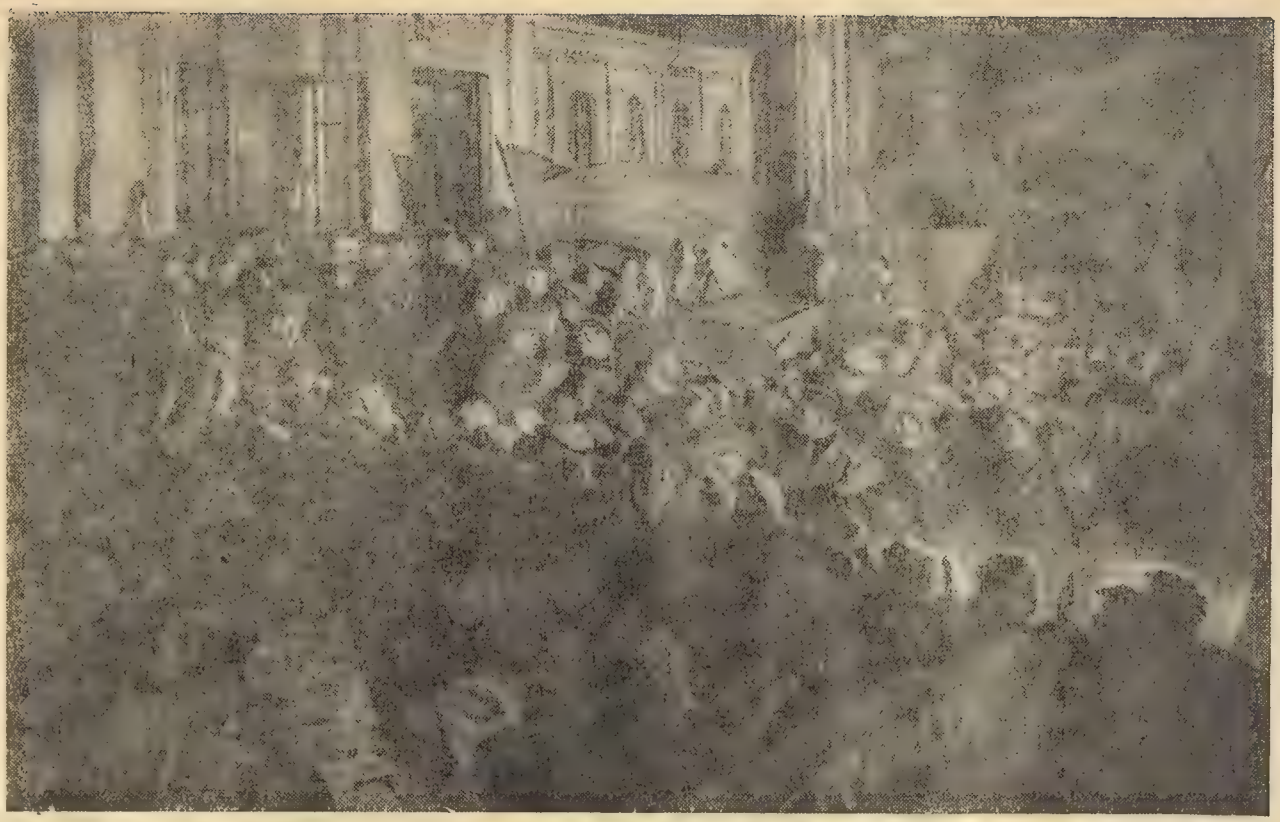
[1] *Ленин*, т. XX, стр. 54.

Ленин в вагоне Финляндской железной дороги при возвращении из-за границы в Россию в 1917 году.
С картины художника Моравова

что, мол, рабочие не хотят работать, лодырничают, не хотят помогать фронту и т. д. и т. п. Травля буржуазных газет вначале имела некоторый успех. Встревоженный фронт посылал делегации на фабрики и заводы с целью выяснить, действительно ли верно, что рабочие не хотят работать. Рабочие приглашали солдат посетить фабрики и заводы и убедиться на месте, что это гнусная клевета. Они посылали делегации на фронт, чтобы там рассказать о положении на заводах. Этими делегациями была разоблачена провокация буржуазии.

Против большевистской партии буржуазия и ее лакеи—меньшевики и эсеры изливали в буржуазных газетах потоки лжи и клеветы. Говорилось и писалось о том, что большевики—это заговорщики, кучка людей, желающая путем насилия, против воли рабочих и крестьян захватить власть, что большевистская партия работает якобы на германские деньги. Самые отъявленные провокаторы, бывшие жандармы и сторонники царской власти вдруг оказались сторонниками «свободы и братства», реакционные силы, мечтавшие только о том, как бы восстановить царский режим, на страницах буржуазных газет выступали в качестве обвинителей большевиков.

Временное правительство, открывшее широко двери для возвращения в Россию оборонцев, ни за что не хотело впустить на родину Ленина и других большевиков. По соглашению с Временным правительством Англия и Франция отказались пропустить через свою территорию Ленина. Временное правительство создало условия, при которых единственным путем для переезда из Швейцарии в Россию оказался путь через Германию. Ленин и другие большевики, зная, что этот шаг будет злостно использован буржуазией в борьбе против большевиков, все же решили отправиться через



Приезд Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. Встреча его у Финляндского вокзала рабочими. С картины художника Моравова

Германию на родину. Во время проезда через Германию никто из вагона, в котором ехал Ленин, не выходил, и никто в вагон также допущен не был. Ленин был встречен 3 апреля на станции Белоостров (в 30 километрах от Петрограда) товарищем Сталиным и рабочими Сестрорецкого завода, а поздно вечером этого же дня на Финляндском вокзале его радостно встречали рабочие и солдаты Петрограда. Десятки тысяч рабочих, солдат и матросов собрались с красными знаменами и с лозунгами приветствия Ленину на площади перед вокзалом. Рабочие на руках вынесли своего вождя из вагона. Выступая с броневика, Ленин приветствовал революционный трудящийся народ, выразив в лозунге: «Да здравствует социалистическая революция!», программу и задачи борьбы рабочих против буржуазии, против ее Временного правительства и соглашательской политики меньшевиков и эсеров.

НА ПУТИ К ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Партия большевиков и рабочий класс давно ждали приезда своего любимого вождя.

4 апреля, на другой день после своего приезда, Ленин выступил на собрании петроградских большевиков и там огласил свои тезисы. Эти Апрельские тезисы являются документом величайшей исторической важности. Они дали точную, ясную установку и план всей дальнейшей борьбы большевиков и рабочего класса за власть, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Приводим эти знаменитые тезисы полностью.

ТЕЗИСЫ В. И. ЛЕНИНА

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при

отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братание.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас*—самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны,—отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования»,

чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до Организационного комитета (Чхеидзе, Церетели и пр., Стеклова и пр. и пр.).

Разъяснение массам, что советы рабочих депутатов есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика,—возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества (т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа).

Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землей местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем совета батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны совета рабочих депутатов.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

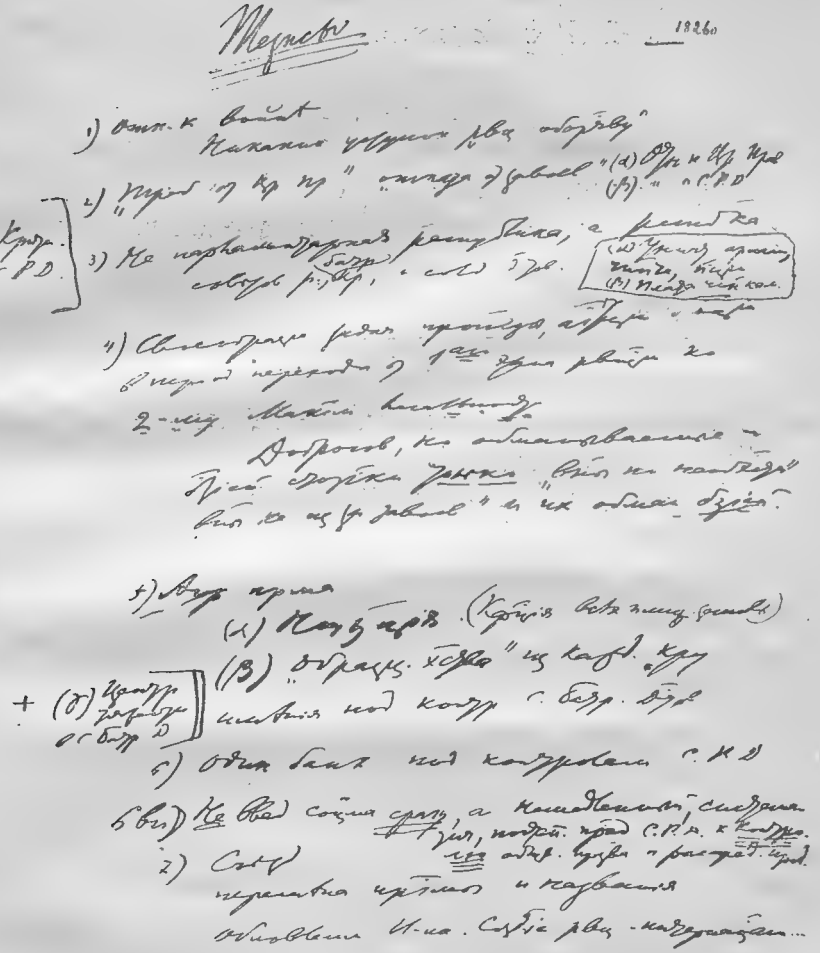
б) перемена программы партии, главное: 1) об империализме и империалистской войне; 2) об отношении к государству, и *наше* требование «государства-коммуны» (т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна); 3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии (вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *коммунистической партией*).

10. Обновление Интернационала»[1].

Свержение царизма—это только первый этап революционной борьбы рабочего класса за социалистическую революцию. Ленин, большевики не остановились

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 76—82.



Апрельские тезисы Ленина. Первоначальный набросок. 3 (16) апреля 1917 г.

на победе буржуазно-демократической революции, они звали рабочий класс к продолжению и углублению революции. В России после Февральской революции у власти стала буржуазия. Буржуазное правительство не могло дать народу мира, потому что война капиталистам и помещикам выгодна. Оно не могло дать крестьянину земли, рабочим—фабрик и заводов.

В Апрельских тезисах Ленин указывал, что мир, землю, фабрики и заводы рабочие и крестьяне завоюют только тогда, когда возьмут всю власть в свои руки. Надо бороться за переход всей власти в руки советов. Надо разъяснять трудящимся, что «советы рабочих депутатов есть *единственно* возможная форма революционного правительства», что меньшевики и эсеры обманывают народ и идут на поводу у капиталистов и помещиков. Большевики должны завоевать массы на свою сторону, вырвав их из-под влияния меньшевиков и эсеров.

Апрельские тезисы дали партии программу действий в новых условиях борьбы с империалистической буржуазией, наметив единую позицию на пути к социалистической революции.

Буржуазия еще до приезда Ленина подняла против него кампанию отвратительной травли. По сигналу Временного правительства буржуазные газеты, а за ними и газеты меньшевиков и эсеров распространяли ложь и клевету на вождя большевистской партии и рабочего класса. Различные провокаторы выступали с грязными, поддельными документами, обвиняющими Ленина чуть ли не в шпионаже в пользу Германии, в «измене отечеству» и т. д. Ясная и четкая программа борьбы за социалистическую революцию, намеченная Лениным в Апрельских тезисах, привела в ужас мелкобуржуазных соглашателей, и они завопили на собраниях и в газетах о том, что Ленин, мол, разжигает гражданскую

войну, что «революция в опасности». Эту опасность они видели в лозунге большевистской партии «Вся власть советам».

Против ленинских тезисов выступил и Каменев. Он доказывал в своих статьях и в выступлениях на Петроградской общегородской партийной конференции большевиков, открывшейся 14 апреля, что в такой отсталой стране, как Россия, социалистическая революция неминуемо обречена на провал. Он утверждал, что буржуазно-демократическая революция еще не окончена, и призывал к поддержке буржуазного Временного правительства и к заключению союза с соглашателями—меньшевиками. Эти меньшевистские взгляды Каменева полностью разделяли Рыков и Томский.

Борьба Каменева, Рыкова и других оппортунистов против Ленина и Сталина, который вместе с Лениным разоблачал этих меньшевистских близнецов, борьба против линии партии на социалистическую революцию была не случайной. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Каменев и Зиновьев показали себя как прямые предатели и изменники партии и революции, выдав буржуазии планы большевиков о вооруженном восстании. В наши дни эти подлые двурушники были пойманы с поличным, эти трижды презренные убийцы из лагеря фашизма предавали нашу родину, торговали нашей великой страной, ставили своей целью вместе с лютым врагом народа Троцким и при прямой военной поддержке германского и японского империализма восстановить в нашей стране капитализм.

Всероссийская апрельская конференция большевистской партии, состоявшаяся 24—29 апреля, жестоко осудила оппортунистические, меньшевистские позиции Каменева и Рыкова.

На этой конференции собрались боевые соратники

Ленина и Сталина—товарищи Молотов, Ворошилов, Свердлов, Куйбышев, Дзержинский, Крупская, Станислав Косиор и др. Эта конференция сыграла огромную роль в сплочении большевистской партии вокруг своего вождя—Ленина.

Противники Ленина—Каменев и Рыков, а также Зиновьев, выступавший против предложения Ленина о немедленной организации Коммунистического Интернационала, были разгромлены и остались в одиночестве.

Всероссийская конференция большевистской партии начала свою работу 24 апреля. Конференция показала, что большевистскую партию, находившуюся до революции в подполье, сломить царизму не удалось. Партия окрепла и выросла как организационно, так и идейно. На Всероссийской апрельской конференции было представлено 79 204 члена большевистской партии. Доклады делегатов конференции свидетельствовали о быстром росте влияния большевиков во всех промышленных центрах страны. Вместе с тем все представители местных партийных организаций отмечали то огромное значение, которое сыграли Апрельские тезисы Ленина в сплочении партии и в подготовке партийных организаций к огромной практическо-политической работе, проводимой большевиками.

В центре внимания всей работы конференции был доклад Ленина о текущем моменте, который охватил все основные вопросы переживаемого этапа революции.

В своем докладе Ленин указал, что в результате Февральской революции государственная власть из рук царского самодержавия, выражавшего интересы крепостников-помещиков, перешла в руки буржуазии. К власти пришел новый класс—буржуазия, и с этой точки зрения буржуазная революция закончена. Но в стране создалось редкое в истории двоевластие:

наличие рядом с буржуазным Временным правительством другого правительства—Совета рабочих и солдатских депутатов, добровольно уступившего власть буржуазии и поддерживающего эту власть. Надо признать, говорил Ленин, что первый этап революции закончен и вопрос идет о переходе ко второму этапу революции, который должен привести к диктатуре рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством. Должна быть установлена не парламентская республика как форма господства буржуазии, а республика по типу Парижской коммуны—республика советов рабочих и солдатских депутатов.

По вопросу о войне Ленин указывал, что после Февральской революции война не потеряла своего империалистического характера.

> «Мы попрежнему против поддержки этой войны. Нелепо требовать от империалистического правительства кончать войну «без аннексий и контрибуций»—это пацифистские иллюзии... Для того, чтобы война могла быть окончена, власть должна перейти в руки революционного класса»[1].

Рабочие и крестьяне не были заинтересованы в войне Оборонческие настроения у них были только наносным явлением, результатом «добросовестного заблуждения». Отсюда главная задача—кропотливая работа по разъяснению рабочим и крестьянам ошибочности их «революционного оборончества». Это была, по определению Ленина, трудная задача по прояснению классового сознания и сплочения пролетариев города и деревни вокруг большевистской партии.

Выдвигая лозунг «Вся власть советам», Ленин не предлагал немедленного свержения буржуазного Временного правительства, поскольку это правительство

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 247.

опиралось на поддержку Совета, добровольно передавшего власть в руки Временного правительства.

Ленин ставил перед большевистской партией задачу — завоевать большинство в Советах, изолировать от масс меньшевиков и эсеров.

Советы объединяли большинство рабочих и трудящихся крестьян. Лозунг «Вся власть советам» на данном этапе революции означал возможность *мирного* перехода *всей власти* из рук Временного правительства в руки советов.

Товарищ Сталин говорит, что лозунг «Вся власть советам» означал

> «...разрыв блока меньшевиков и эс-эров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эс-эров (ибо советы были тогда эсэро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эс-эров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс»[1].

В своем докладе на Всероссийской конференции, говоря о возможности мирного перехода всей власти в руки советов, Ленин заявил:

> «У некоторых является мысль, не отреклись ли мы от себя: ведь мы пропагандировали превраще-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 94, изд. 10-е.

ние империалистической войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне—между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом... Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока»[1].

Эта ленинская оценка текущего момента и задач пролетариата была встречена в штыки на конференции Каменевым и Рыковым. Каменев и Рыков по-меньшевистски расценивали Февральскую буржуазно-демократическую революцию и ее движущие силы, с этих же меньшевистских позиций они вели борьбу против линии партии на социалистическую революцию. Выступая на конференции, Рыков говорил: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма»[2]. Эти меньшевистские установки Каменева и Рыкова, роднящие их с Иудой-Троцким, были

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 246.

[2] Протоколы VII Апрельской конференции РСДРП(б), стр. 93, Партиздат, 1934 г.

беспощадно разоблачены в выступлениях Ленина и Сталина. Критикуя меньшевистские позиции Рыкова, Ленин сказал:

> «...Рыков говорит, что социализм должен придти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм»[1].

Каменев, выступая на конференции, защищал меньшевистско-троцкистскую теорию «перманентной» революции. С трибуны конференции он истерически вопил о неизбежности разрыва пролетариата с крестьянством при переходе к социалистической революции.

Отрицая возможность победы социалистической революции, истерически крича о ее неизбежном поражении в «отсталой стране», как Россия, Каменев и Рыков пытались затянуть партию в свое меньшевистское болото.

Всероссийская конференция большевистской партии отвергла антиленинскую платформу Каменева и Рыкова. Конференция пошла за Лениным и Сталиным, она единодушно (при 7—8 воздержавшихся при голосовании) приняла все ленинские предложения как программу борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

На конференции особым пунктом порядка дня был национальный вопрос. Докладчиком по этому вопросу выступил Сталин.

В своем докладе Сталин развил конкретную программу революционного пролетариата в борьбе против национального гнета. Сталин разоблачил великодержавную политику Временного правительства. Нацио-

---

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 246.

нальная политика Временного правительства была продолжением политики царизма. Оно продолжало проводить в жизнь лозунг царизма «единая неделимая Россия», оставляя в колониальной кабале угнетенные национальности.

Сталин развил на конференции взгляды большевистской партии о праве наций на самоопределение. Сталин говорил, что право наций на самоопределение приведет к тесному союзу всех народов. «Я думаю,—говорил он,—что девять десятых народностей после свержения царизма не захотят отделиться»[1]. История целиком оправдала это предвидение Сталина.

Сталин дал сокрушительный отпор Пятакову, который как и в 1915 и 1916 годах выступал против линии партии в национальном вопросе. Пятаков отрицал право наций на самоопределение, утверждая, что национальное движение является движением реакционным.

Сталин говорил, что большевистская партия, ведущая рабочий класс к социалистической революции,—

> «...должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма. Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения,—и тогда мы прокладываем мост между Западом и Востоком,—и тогда мы действительно держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем,—и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений

[1] Протоколы VII Апрельской конференции РСДРП(б), стр. 193, Партиздат, 1934 г.

в недрах угнетенных национальностей. Мы должны поддерживать всякое движение, направленное против империализма»[1].

Большевистская партия всегда придавала исключительное значение национальному вопросу. Она беспощадно разоблачала насильственную политику царского правительства, и никому иному, как Ленину принадлежало определение царской России как тюрьмы народов.

Еще задолго до войны Лениным и Сталиным была разработана программа борьбы пролетариата и большевистской партии за полную ликвидацию всех устоев векового национального гнета. Программа большевистской партии по национальному вопросу в основном сводилась к следующему: а) к провозглашению для каждой нации, живущей в пределах России, права на полное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, б) к требованию отмены всех национальных привилегий (государственный язык и т. д.), к проведению полного национального равноправия с обеспечением прав всех употребляемых в стране языков в государственных учреждениях, школах и т. д., в) к широкому проведению национально-территориальной автономии с обеспечением прав национальных меньшинств. На основе этой программы большевистская партия вела борьбу с царизмом во все годы, предшествовавшие войне.

Война еще более обострила национальный вопрос во всех капиталистических странах, в том числе и в России. Еще более усилился в России национальный гнет и бесправие «инородцев». Мы уже отмечали ряд волнений и восстаний на национальных окраинах России, имевших

---

[1] *Сталин,* Статьи и речи об Украине, стр. 10, Партиздат, 1936 г.

место в годы империалистической войны и направленных против царизма и империализма. В быстрой победе рабочих и солдат над самодержавием большую роль сыграло стремление угнетенных наций, миллионов бесправных трудящихся этих наций ликвидировать проклятый национальный гнет, неразрывно связанный с существованием в России царского строя.

Февральская буржуазно-демократическая революция должна была разрешить и национальный вопрос. Но русская буржуазия хотела сохранить свое господство и привилегированное положение. Пользуясь военной обстановкой, она призывала население России к национальному единению, пытаясь под этим флагом отделаться от разрешения и этого «проклятого» вопроса. Временное правительство, выражавшее интересы буржуазии, не собиралось разрешать национальный вопрос. В сохранении власти над национальными окраинами и угнетенными нациями буржуазия видела одну из основ своей экономической и политической мощи, своего классового господства.

Доклад Сталина по национальному вопросу на Апрельской конференции, разоблачение им антиленинских выступлений Пятакова по этому вопросу имели огромнейшее значение.

Доклад Сталина определил политику и тактику большевистской партии по отношению к угнетенным национальностям. Правильная национальная политика имела решающее значение для победы Октябрьской пролетарской революции.

«Апрельская конференция большевиков имела огромное значение для развития партии и революции. Апрельская конференция нацелила партию большевиков на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистиче-

скую. Конференция разработала конкретную революционную программу для этого этапа перерастания революции. Конференция показала, какие классы двигают революцию вперед. Она приняла решение по всем коренным вопросам революции—войне, земле, борьбе с голодом. Она показала единственный выход из положения—переход всей государственной власти в руки советов рабочих, солдатских, крестьянских и других депутатов по всей России»[1].

Накануне Всероссийской апрельской конференции происходили массовые демонстрации, на которых рабочие и солдатские массы выступали с требованием мира.

18 апреля (по новому стилю 1 мая) 1917 г. революционные рабочие, солдаты и матросы впервые в истории России открыто вышли на первомайскую демонстрацию. В столице в демонстрации участвовало свыше 600 тыс. человек. Она прошла с огромным подъемом и явилась выражением неуклонной воли трудящихся масс к миру и братству народов всего мира. На улицах и площадях Петрограда в этот день бодро звучали революционные песни. На митингах 1 мая главное внимание рабочих и солдат привлекали вопросы войны и мира и позиция Временного правительства по этим вопросам. Вокруг этих вопросов возникала острая борьба между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами—с другой.

На одном из рабочих митингов выступил Ленин. Работница фабрики «Скороход» товарищ Конькова так рассказывает об этом митинге:

«Рабочих у нас было 7 тысяч. Среди рабочих были эсеры, меньшевики и анархисты. Нас, большевиков, было мало на фабрике...

К 12 часам дня народу собралось столько, что мно-

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 184, Огиз, 1936 г.

гие расположились даже на крышах, на заборах, на деревьях. Ждут—не дождутся Ленина.

Вот, наконец, показался на улице автомобиль. К месту остановки побежали дети и взрослые. Каждому хотелось увидеть собственными глазами товарища Ленина.

Как сейчас помню: он вышел, снял кепку, поклонился всем и пошел на трибуну.

Я запомнила его первые слова:

— Товарищи, у нас в России революция. У власти стоит буржуазное Временное правительство. А что получили рабочие?

Долго говорил Владимир Ильич. После него выступили меньшевики.

— Товарищи,—говорили меньшевики,—идите в ногу с Временным правительством, и мы победим тогда и кончим войну с Германией...

— Иди сам воюй! Долой войну! Да здравствуют большевики!—волновалась масса рабочих.

Затем говорили эсеры, анархисты, но публика уже не слушала их.

Ленин взял слово во второй раз. Все замерли в напряженном внимании.

— Только тогда рабочие смогут получить контроль над производством, а крестьяне землю,—говорил Владимир Ильич,—когда они вместе, рука об руку, будут отстаивать завоевания революции. Крестьяне должны сами захватить у помещиков землю, а рабочие у капиталистов—фабрики и заводы. Вся власть должна принадлежать советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Жадно внимали рабочие словам Владимира Ильича. Говорил он просто и понятно. Резолюция, предложенная большевиками, прошла большинством голосов».

Первомайская демонстрация в Петрограде, Москве и других городах России выражала волю и стремление

масс к миру, а это ни в какой степени не совпадало с действительной политикой буржуазии.

Политика буржуазии была выражена в ноте Милюкова, которую он 18 апреля (1 мая по новому стилю) направил представителям союзных государств. Нота эта была ответом на настойчивые запросы и требования союзников—будет или не будет воевать Россия? Милюков заверял союзников в том, что Россия воевать будет и он выражает-де «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы».

Нота Милюкова союзникам была опубликована только 20 апреля и вызвала негодование и бурный протест солдат Петроградского гарнизона.

В ответ на ноту Милюкова 20 апреля в Петрограде начались демонстрации против империалистической внешней политики Временного правительства. Первым выступил в полном составе Финляндский полк с лозунгами, требовавшими отставки Милюкова. Вслед за Финляндским полком на улицу выступили Московский и другие полки, всего до 25—30 тыс. человек.

На следующий день, 21 апреля, демонстрация продолжалась и носила более острый характер. На улице появились рабочие с заводов во главе с вооруженными отрядами Красной гвардии. Демонстранты шли с лозунгами: «Долой Гучкова и Милюкова», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов», «Да здравствует социализм». Буржуазия устроила контрдемонстрацию. Буржуазная молодежь, лавочники, домовладельцы высыпали на улицу. Появились грузовики с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Происходили столкновения между буржуазной и солдатской демонстрациями.

Командующим Петроградским военным округом генералом Корниловым был отдан приказ Михайловскому

училищу выступить с артиллерией на Дворцовую площадь. У Корнилова было намерение учинить над революционными рабочими и солдатами кровавую расправу. Однако этот план не удался, так как солдаты запросили Совет, известно ли ему об этом приказе Корнилова. Совет ничего о нем не знал, и генерал Корнилов вынужден был свой приказ отменить.

Среди демонстрантов было также и несколько плакатов с лозунгом «Долой Временное правительство». Этот лозунг был выброшен вопреки линии большевистской партии небольшой группкой Богдатьева из Петроградского комитета и был решительно осужден Лениным как необдуманный и дезорганизаторский. Большевистская партия не ставила своей задачей немедленное свержение Временного правительства. Большевистская партия разоблачала перед массами империалистскую политику Временного правительства, вела борьбу за большевизацию советов, поскольку в широких солдатских, крестьянских массах имелось еще известное доверие к Временному правительству. Она хотела, чтобы они на опыте убедились в буржуазной политике Временного правительства.

Нота Милюкова вызвала волну возмущения и протеста в Москве и других городах. В Москве 21 апреля на демонстрацию вышел в полном составе 55-й запасный полк, на площадях состоялись митинги.

Рабочие заводов Михельсона и бр. Бромлей, фабрики бр. Крыловых бросили работу и вышли на демонстрацию. 22 апреля на заводах, фабриках и в казармах (192-го запасного полка и др.) происходили митинги протеста против ноты Милюкова.

Стихийные демонстрации в апрельские дни были выражением резкого столкновения противоположных классовых интересов империалистической буржуазии—и ши-

роких рабочих и крестьянских масс, жаждущих мира и прекращения захватнической войны.

Это столкновение по вопросу о войне вызвало тревогу в рядах союзников, а также среди «социалистов» из лагеря II Интернационала. После апрельской демонстрации против милюковской ноты началось паломничество в Россию империалистических «полпредов»—социал-шовинистов Франции, Англии, Бельгии и Америки. В их задачи входило пропагандировать среди русских рабочих продолжение империалистической войны до полной победы. Предатели интересов рабочих своей страны, они приезжали в Россию призывать к победоносной войне «во имя демократии», поделиться своим опытом предательства с русскими оборонцами. В Россию приехал Альберт Тома—«социалист» и член французского правительства; он от имени «международной демократии» метал гром и молнии против русских рабочих и крестьян, не желавших продолжать войну. Вслед за Альбертом Тома приехала делегация бельгийских социалистов во главе с не менее заслуженным предателем рабочих—Вандервельде, который заявил, что он в Россию приехал для того, чтобы «обратиться к совести, доброте и уму русского пролетариата и призвать его бороться против «германских насильников». Затем побывал в России прожженный плут и предатель английских рабочих Гендерсон и многие другие. Все они приезжали с теми же поручениями империалистической буржуазии.

В результате апрельской демонстрации из состава Временного правительства вынуждены были уйти министр иностранных дел Милюков и военный министр Гучков. Пожертвовав Милюковым и Гучковым, буржуазия избрала другой путь, для того чтобы покончить с двоевластием. Пригрозив меньшевикам и эсерам отка-

зом от власти, буржуазия предложила им создать коалиционное правительство, введя в состав Временного правительства представителей Совета. Соглашательское руководство Совета пошло на предложение буржуазии, взяв обязательство оказать этому правительству еще более широкую поддержку.

В новое коалиционное правительство, состав которого был опубликован 6 мая, вошли: эсеры—Керенский и Чернов, меньшевики—Скобелев и Церетели. Главой правительства остался князь Львов, министром по военным и морским делам был назначен Керенский и министром земледелия—Чернов. Большинство в этом правительстве было за министрами—капиталистами и помещиками.

Истинный смысл коалиционного правительства заключался в усилении блока между буржуазией и меньшевистско-эсеровским руководством Совета, в его еще большем подчинении политике буржуазии, которой надо было укрепить пошатнувшийся авторитет власти. Буржуазия надеялась через коалицию решить вопрос о своем единовластии. Масса же добросовестных оборонцев, обманутая меньшевиками и эсерами, ждала от коалиционного правительства скорейшего заключения мира.

Эта масса нуждалась еще в дополнительных уроках, чтобы убедиться в том, что от буржуазного правительства, хотя бы и коалиционного, напрасно ждать мира и разрешения других вопросов, еще не решенных революцией.

Ленин писал, что с образованием коалиционного правительства никаких изменений в соотношении классов не произошло, двоевластие как было, так и осталось; однако такое положение он считал крайне неустойчивым и кратковременным.

Зато буржуазия с восторгом встретила образование коалиционного правительства. На VIII съезде кадетской

партии была принята резолюция, приветствовавшая новое правительство, задачей которого было сохранить верность союзникам, подготовить наступление на фронте и устранить двоевластие как в центре, так и на местах. Милюков говорил на этом съезде: «Я считаю, что в общем появление этого кабинета есть акт положительный. Оно, во всяком случае, даст возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента—усиления власти и перелома настроения в армии». Образование коалиционного правительства сочувственно было встречено также и союзниками. Так, английский посол Бьюкенен писал своему правительству:

«Новое коалиционное правительство... представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте. Керенский, принявший на себя обязанности военного и морского министра, не есть идеальный военный министр, но он надеется, что, отправившись на фронт и обратившись с страстным призывом к патриотизму солдат, он сможет гальванизировать армию и вдохнуть в нее новую жизнь. Это единственный человек, который может сделать это, если это вообще возможно».

Коалиционное правительство приложило много энергии, чтобы выполнить возлагаемые на него русской и англо-французской буржуазией надежды.

В коалиционном правительстве, как уже выше сказано, Керенский взял себе военно-морское министерство, Чернов—министерство земледелия, меньшевик Скобелев—министерство труда. Задачей этих министров-«социалистов» было одурачивание рабочих, солдатских и крестьянских масс всякого рода «демократическими» речами и декларациями, тем более что по основным вопросам революции—о войне, о земле, о положении

рабочих после революции—совершенно явственно развертывалась и обострялась борьба рабочих и крестьянских масс против буржуазии и помещиков.

В то же время буржуазия под прикрытием «демократического» дурмана, обильно изливаемого министрами-«социалистами» и меньшевистско-эсеровским руководством Совета, энергично работала над собиранием всех сил контрреволюции. Была восстановлена работа Государственной думы, правда, под видом «частных совещаний»; на этих «частных совещаниях» буржуазные лидеры, откровенные монархисты типа Пуришкевича, полным голосом говорили о необходимости расправы с революцией, разрабатывали планы установления военной диктатуры, даже совершенно конкретно обсуждая, кто из генералов бывшей царской армии мог бы выполнить роль Кавеньяка русской буржуазии. Вокруг Государственной думы формировались различные организации контрреволюционного офицерства и буржуазии.

Государственная дума вплоть до победы Октябрьской социалистической революции была центром объединения всех сил контрреволюции, местом, где разрабатывались и подготовлялись планы разгрома революции. Большевики не раз предлагали руководителям Совета разогнать это гнездо контрреволюции, но соглашатели упорно сохраняли этот центр махровой реакции и контрреволюции.

Свержение царизма еще не создавало новых условий труда на фабриках и заводах и не улучшало положения рабочих; наоборот, даже скромные требования рабочих встречали самое бешеное сопротивление со стороны фабрикантов и заводчиков.

Отсюда—неизбежно обострялась борьба между рабочим классом и капиталистами. Буржуазия с первых дней революции развернула бешеную кампанию против

8-часового рабочего дня, причем соглашательское руководство советов всячески препятствовало введению 8-часового рабочего дня, считая, что это ослабит «отечественную» промышленность и оборону страны. Борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день возглавила только большевистская партия, вынудив буржуазию капитулировать. Под руководством большевиков рабочие вводили явочным порядком 8-часовой рабочий день на заводах и фабриках, ставя фабрикантов и советы перед совершившимся фактом. Так, в Петрограде первым районом, который ввел у себя на предприятиях 8-часовой рабочий день, был Выборгский район. Петроградский совет был вынужден согласиться с введением 8-часового рабочего дня, то же самое было и в Москве.

Рабочие завода Михельсона, например, писали в Московский совет: «Мы вводим 8-часовой рабочий день с 17 марта и требуем от Совета рабочих депутатов вынести резолюцию о его введении, а Временное правительство должно поставить свой штемпель». На заседании Московского совета представители районов заявили, что «при отрицательном решении Советом вопроса о 8-часовом рабочем дне он будет введен явочным порядком». В этой первой схватке с буржуазией в первые же дни революции, вопреки воле меньшевиков и эсеров, победил рабочий класс.

Но даже после того, как рабочие вводили на предприятиях 8-часовой рабочий день, меньшевики пытались всячески сорвать это первое политическое завоевание рабочих, признав 8-часовой рабочий день только «в принципе». Министр-«социалист» Церетели говорил, что Временное правительство в принципе признает 8-часовой рабочий день, но только при нормальных условиях; теперь, по мнению Церетели, говорить о 8-часовом рабочем дне нельзя, «никто (?) из рабочих при настоящих усло-

виях не говорит: осуществляйте 8-часовой рабочий день. Все понимают, что тревожная пора, опасная пора. Надо спасать страну, и они готовы работать свыше 8 часов».

Потерпев поражение в борьбе за 8-часовой рабочий день, буржуазия перешла к другим способам борьбы с революционными рабочими. Она избрала наиболее радикальное средство—голод. «Костлявая рука голода», по признанию представителя буржуазии Рябушинского, должна была задушить рабочий класс. Для этого буржуазия вступила на путь саботажа, открытого и скрытого, дезорганизации производства, локаутов. Экономическая разруха должна была прежде всего ударить по рабочему классу.

В план буржуазии входило использование всех средств дезорганизации: от бездействия фабричной организации, искусственного расстройства жизни предприятия, неправильного снабжения его материалами и финансами до прямого разорения фабрик и заводов посредством сокрытия и увоза материалов, порчи машин, злостного закрытия предприятий и локаута.

Закрытие заводов прогрессировало из месяца в месяц:

В марте	было закрыто	74	завода с	6 446	рабочими
» апреле	»	55	»	2 816	»
» мае	»	108	»	8 701	»
» июне	»	125	»	38 455	»
» июле	»	216	»	47 754	»

Одновременно с закрытием фабрик и заводов буржуазия начала «разгрузку» Петрограда. Началась самая лихорадочная и беспорядочная эвакуация заводов, особенно металлообрабатывающей промышленности. Рабочие закрывавшихся «эвакуированных» заводов оставались без работы. В то же время неимоверно росли цены на продукты питания,—все это делало совершенно

реальной угрозу крупнейшего московского фабриканта Рябушинского о «костлявой руке голода», которая задушит революцию.

Большевистская партия безраздельно руководила борьбой рабочего класса против политической и экономической контрреволюции буржуазии. Опорными центрами этой борьбы непосредственно на фабриках и заводах были фабзавкомы. Лозунг большевистской партии о рабочем контроле становился среди рабочих самым популярным и жизненным лозунгом. Организация рабочего контроля на производстве, переход всей власти в руки советов были единственным выходом из тяжелого положения рабочего класса.

Рабочие массы отвечали на контрреволюционное выступление буржуазии испытанным методом классовой борьбы—стачкой. Стачечное движение повышалось из месяца в месяц; в ходе стачек рабочие явочным порядком на ряде фабрик и заводов осуществляли и лозунг большевиков о рабочем контроле. В качестве примера можно привести установление таким явочным порядком рабочего контроля на московском заводе «Гужон». Когда заводу грозило закрытие, завком взял на себя управление и сравнительно быстро сумел наладить работу завода. Заводский комитет обратился за помощью в другие крупные фабзавкомы, прося поддержать рабочих завода «Гужон» и дать последнему необходимых рабочих.

Рабочие и завкомы охотно откликнулись на эту просьбу о поддержке. Так, собрание цеховых комитетов Путиловского завода (24 июля), заслушав информацию о положении на заводе «Гужон», постановило:

«Приветствовать рабочих завода «Гужон» за энергичное и самостоятельное ведение заводского дела и предложить заводскому комитету принять все меры к тому, чтобы необходимое количество рабочих –прокатчиков,

фальцовщиков, сварщиков и чернорабочих было предоставлено на помощь товарищам завода «Гужон» для дальнейшей совместной работы в борьбе с капиталом».

Но рабочий контроль осуществлялся на очень ограниченном количестве предприятий. Фабриканты и заводчики чрезвычайно упорно сопротивлялись его введению, предпочитая лучше закрывать свои предприятия, чем подвергаться рабочему контролю. Меньшевики поддерживали буржуазию, активно выступая против рабочего контроля.

Рабочий контроль над производством был полностью осуществлен только в результате победы Октябрьской социалистической революции. Через две недели после свержения власти буржуазии, в Октябрьские дни, советским правительством был издан декрет о рабочем контроле. Переход власти в руки советов—органов пролетарской диктатуры, обеспечил повсеместное осуществление на фабриках и заводах полного рабочего контроля.

В ходе обострения классовой борьбы рабочих против буржуазии, в бурном развитии стачечной борьбы рабочие массы освобождались от оборонческих иллюзий и от влияния соглашательских мелкобуржуазных партий. Рабочие массы проходили за время господства буржуазии прекрасную школу классовой борьбы, они получали классовую революционную закалку.

Временное коалиционное правительство не могло и не хотело разрешить также и аграрного вопроса, разрешения которого с нетерпением ждали крестьянские массы. «Мужицкий министр»—эсер Чернов, выполняя социальный заказ буржуазии и помещиков, всячески старался затушить пламя разгоравшейся в деревне аграрной революции. Министры-«социалисты» кормили массы крестьян всяческими обещаниями «кардинально» разрешить вопрос о земле, когда будет созвано Учре-

дительное собрание. Но крестьяне не хотели ждать этого эсеровского «журавля в небе».

Под руководством большевистской партии они создавали на местах советы крестьянских депутатов и революционные земельные комитеты и вопреки воле Временного правительства, его министра-«социалиста» Чернова и всем эсеровским обещаниям и посулам *по-революционному* разрешали вопрос о земле. Крестьяне—бедняки и середняки отбирали землю у помещиков, захватывали луга и покосы, распределяли урожай с помещичьих земель, забирали сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Положение помещиков и кулаков в деревне становилось день ото дня все более критическим. «Союз земельных собственников» Саратовской губернии, например, писал 18 июня Временному правительству:

«Некоторые имения совершенно отобраны у их владельцев (имения Линде и Гофман, Саратовской губ.), а в других реквизируется хлеб, устанавливаются произвольные на него цены, отбираются скот и инвентарь; снимаются с работ служащие, захватываются луга, лес вырубается, причем собственникам его совершенно запрещается пользование лесными угодьями... Убиты землевладельцы Сабурова и Тейльман в Сердобском у., крестьяне надругались над Толмачевым, Лобовцевым и Кохиным в Петровском у., поджоги имуществ у отрубщиков и аресты земельных собственников в Балашовском, Сердобском, Вольском, Петровском и Саратовском уездах... Помещики вынуждены покинуть свои владения, оставляя имущество в распоряжении волостных комитетов, этих нерачительных и, надо думать, временных хозяев доставшегося им путем захвата имущества».

Крестьянские массы постепенно освобождались от

иллюзий доверия Временному правительству и эсерам, и все чаще приговоры крестьянскими сходами выносились примерно так: «Мы, 400 крестьян Аткарского у., на сходе... постановили в приговоре: власть должна перейти по всей России в руки рабочих и крестьян в лице советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. *Так будет надежнее*».

Временное правительство и министр-«социалист» Чернов вначале пытались прекратить «самоуправство» крестьян, посылая обильным потоком всякого рода циркуляры и приказы, в которых требовали прекращения «беспорядков». Так, один из «левых» министров—«народный социалист» Пешехонов в своем телеграфном приказе № 1 требовал:

«1) Принять немедленно самые энергичные меры к недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам по уборке полей и посеву; 2) никоим образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев; 3) объявить землевладельцам и арендаторам, что они обязаны приложить все силы к тому, чтобы поля и покосы были убраны, озимые засеяны; 4) все меры к разрешению вопросов о засеве и уборке полей должны приниматься исключительно продовольственными комитетами. Никакие другие комитеты не имеют права брать на себя разрешение указанных вопросов, и их постановления не обязательны для населения».

За циркулярами и приказами следовали в деревню эсеровские эмиссары, назначение которых было «уговаривать крестьян». Но по мере перехода буржуазии в наступление против революции менялись и методы «воздействия» на «самоуправных» крестьян. 8 июня Кор-

нилов издал приказ, в котором грозил крестьянам, что за всякие индивидуальные нарушения он будет карать арестом от 3 до 6 месяцев, а за действия скопом... до 3 лет. В деревню, особенно после июльских дней, на смену эмиссарам, «уговаривающим крестьян», все чаще и чаще стали посылаться карательные экспедиции. Характерно, что излюбленным методом «социалистов» Керенского и Чернова стал метод «внушения» кавалерийской нагайкой. Для этого в деревню «социалисты» направляли преимущественно кавалерию «как способную быстро прибывать на место беспорядков». Так, в июле—августе по 11 губерниям Центрально-черноземной области и Средней Волги были 22 случая подавления вооруженной силой крестьянских «беспорядков», а в сентябре—октябре—76.

Крестьянство—бедняки и середняки, выступая против помещика и кулака, проходило в это время школу революционной борьбы и освобождалось от влияния эсеровской партии, постепенно переходившей от политики прикрытого обмана к открытой политике карательных экспедиций. Лозунги большевистской партии, ее идеи все сильнее и шире проникали в крестьянские массы. Большевики—рабочие, матросы и солдаты были агитаторами и организаторами аграрной революции в деревне.

Рост влияния большевистской партии нашел свою «оценку» в донесениях кадетских и эсеровских комиссаров Временному правительству. Все чаще в этих донесениях появлялись сообщения: «В деревнях наблюдается агитация большевистского направления лицами, приехавшими из Кронштадта»; «Крестьяне организуют свои комитеты под влиянием рабочих-большевиков, бежавших в деревню из голодных столиц», и т. д. Крестьянские съезды, советы, земельные комитеты были использованы большевиками для разъяснения своих

взглядов на аграрный вопрос, крестьяне—бедняки и середняки учились понимать, что только рабочий класс, руководимый большевистской партией, поможет им решить революционным путем их вековую тяжбу с помещиками и мироедами-кулаками.

В вопросе о войне Временное правительство, несмотря на участие в нем министров-«социалистов», попрежнему вело свою политику продолжения империалистической войны.

Керенский под давлением англо-французской и русской буржуазии начал подготовку наступления. Английские и французские империалисты категорически потребовали, чтобы русская армия перешла в наступление и тем самым отвлекла силы германской армии от западного фронта и дала возможность выиграть время для переброски военных сил Америке, которая вступила в войну после Февральской революции. Английский посол в России Бьюкенен в своих воспоминаниях писал, что союзники пригрозили прекратить доставку всякого снаряжения, если русская армия не перейдет в наступление. Русская буржуазия и бывшие царские генералы видели в наступлении, прежде всего, средство укрепления своего влияния на армию и восстановления в армии старой дисциплины. Наступление, по мнению буржуазии, должно было «оздоровить» армию.

Об оздоровлении армии посредством наступления кричали в газетах и на собраниях меньшевики и эсеры. Так, министр-«социалист» Церетели говорил, что наступление русской армии должно «приветствоваться не только в союзных с нами странах, но и в странах, воюющих с нами, всеми теми, кто стоит действительно под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом».

Наступление, подготовляемое по указке англо-французских империалистов против воли рабочих и солдат, меньшевики рассматривали как борьбу против империализма, как борьбу за демократизм. Это показывает, как глубоко пали соглашатели, защищая не за страх, а за совесть дело империализма.

Наступление на фронте неизбежно вело к усилению шовинизма, к переходу власти в руки военной шайки и применению насилий над массами. Фронт наводнялся черносотенной литературой, газеты же большевиков на фронт не допускались. Началось расформирование частей, отказывающихся итти в наступление, началось формирование всякого рода «ударных» батальонов, и, наконец, на фронте была введена смертная казнь. Задуманное буржуазией и союзниками наступление было санкционировано I Всероссийским съездом советов.

Первый Всероссийский съезд советов собрался 3 июня 1917 г. Состав этого съезда отражал собой засилие в советах мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров,— на съезде было всего 105 большевиков из числа 1 000 делегатов. На I съезде было представлено 305 объединенных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 53 совета областных и губернских центров и 34 организации (комитеты), представляющие действующую армию и флот. Съезд советов, представляя собой рабочие, солдатские и крестьянские массы и являясь единственной организованной и вооруженной силой революции, имел все реальные возможности взять государственную власть в свои руки. Но меньшевистско-эсеровские руководители повели съезд по другому пути. Меньшевики и эсеры отвергли предложение большевиков о передаче власти в руки Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и вместо этого пред-

ложили резолюцию о поддержке власти буржуазии—Временного правительства, объявив эту власть единственно возможной и законной. В меньшевистско-эсеровской резолюции, принятой съездом, говорилось, что «переход всей власти к советам рабочих и солдатских депутатов в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции»[1].

Съезд отказался декретировать 8-часовой рабочий день; он отклонил и предложение о роспуске Государственной думы—этого гнезда контрреволюции; зато съезд занялся вопросами усмирения революционного Кронштадта (Кронштадтский совет взял власть в свои руки). Много внимания съезд уделил обсуждению вопроса о войне, вернее, о наступлении, решив этот вопрос в положительном смысле. Когда на съезде были получены первые сведения о начавшемся наступлении, то это вызвало в рядах меньшевиков и эсеров восторг и ликование. Меньшевик Церетели заявил, что «наступлением русской армии открывается новая эра нашей революции».

На съезде советов вопреки желаниям меньшевиков и эсеров выступали большевики. Товарищ Позерн от имени большевистской фракции огласил заявление, в котором говорилось, что вся ответственность за последствия начатого наступления ляжет на Временное правительство, на меньшевиков и эсеров, поддерживающих его.

На этом съезде дважды выступил Ленин. Несмотря на все попытки меньшевиков и эсеров сорвать выступле-

---

[1] I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, стр. 287, Гиз, 1930 г.

ния Ленина, делегаты съезда с огромным вниманием выслушали вождя большевистской партии и рабочего класса. Он изложил съезду решения Апрельской конференции. Разоблачив предательскую политику соглашателей, Ленин развернул перед делегатами съезда лозунги большевистской партии, ее отношение к волнующим рабочие, солдатские и крестьянские массы вопросам: о власти, о войне и мире. Ленин с присущей гениальному вождю простотой и ясностью, через голову меньшевистско-эсеровского руководства съездом, говорил широким массам рабочих и крестьян о том, что вся власть должна перейти в руки советов и что большевистская партия готова по их доверию взять на себя целиком всю ответственность за эту власть.

Лидер меньшевиков Церетели, мотивируя невозможность передать советам власть, заявлял на съезде: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место...

— Такой партии в России нет!—громко настаивал Церетели в притихшем зале.

И вдруг, как удар грома, раздалось в ответ:—Есть такая партия!

Это Ленин от имени партии большевиков решительно бросил с места меньшевикам»[1]. Делегаты съезда—рабочие и солдаты громом аплодисментов ответили на слова Ленина о том, что:

> «Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому,

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 216, Огиз, 1936 г.

Июньская демонстрация 1917 г. в Петрограде.

что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире»[1].

Большевистская партия в целях выражения действительных настроений и желаний масс назначила на 10 июня мирную демонстрацию. Однако меньшевики и эсеры, перепугавшись роста влияния большевистской партии на рабочих и солдат, провели на съезде запрещение этой демонстрации.

В противовес большевистской демонстрации меньшевистско-эсеровское руководство под давлением рядовых делегатов съезда назначило свою демонстрацию на 18 июня. Тогда партия большевиков отменила демонстрацию, назначенную на 10 июня, решив демонстрацию 18 июня провести под большевистскими лозунгами.

Назначив демонстрацию 18 июня, меньшевистско-эсеровское руководство Совета и съезда пыталось перевести нарастающее революционизирование масс на свои соглашательские рельсы. Демонстрации предшествовала яростная клеветническая кампания против Ленина и большевиков во всех меньшевистских и эсеровских газетах.

Большевиков соглашатели обвиняли в «бланкизме», «заговорщичестве», в «способствовании контрреволюции». Так, меньшевистская «Рабочая газета» писала: «Действуя анархически, ленинцы прокладывают дорогу контрреволюции. Они добросовестно работают в ее пользу». Меньшевик Церетели говорил о «заговоре», который якобы подготовлялся большевиками «для низвержения правительства и захвата власти». На заседании Исполнительного комитета Совета и президиума съезда, превращенном в судилище над большевиками,

[1] *Ленин*, т. XX, стр. 488.

была предложена резолюция, обвиняющая большевиков в «политической авантюре» и предлагающая исключать большевиков из состава советов. Эту резолюцию «Правда» квалифицировала как исключительный закон против большевиков, являвшихся в то время меньшинством в советах. Однако меньшевикам и эсерам не помогла и эта «идеологическая» подготовка.

Демонстрация прошла мимо соглашателей, показав, что иллюзии соглашательства, навеянные меньшевиками и эсерами, выветриваются из голов рабочих и солдат. Меньшевики и эсеры не рискнули даже выйти на эту демонстрацию с прямым лозунгом доверия и поддержки буржуазного Временного правительства, они вынуждены были протаскивать свою соглашательскую линию контрабандным путем, маскируя свою политику лозунгом «доверия министрам-социалистам».

18 июня к Марсову полю (сейчас площадь «Жертв революции») двинулись с фабрик, заводов и казарм колонны демонстрантов. Рабочие и солдаты шли на демонстрацию под боевыми лозунгами большевистской партии. Колонны Нарвского района, во главе которого шли солдаты 176-го запасного полка и путиловцы, несли лозунги—«Долой десять министров-капиталистов», «Мы требуем вооружения рабочих», «Контроль рабочих над производством», «Вся власть советам» и т. д.

Петроградский район, матросская колонна во главе с кронштадтцами, районный комитет большевиков, Монетный двор, артиллерийский склад—все эти колонны шли с лозунгами большевиков.

К часу дня на Марсово поле вступил Выборгский район. Демонстрация возглавлялась районным советом рабочих и солдатских депутатов; за ним шли—Патронный завод, Московский полк также с большевистскими лозунгами. Прошли со своими знаменами Центральный

комитет большевиков, «Солдатская правда», «Правда» и «Конференция военных организаций большевиков».

Прошли колонны профессиональных организаций. Подавляющее большинство заводов и фабрик и воинских частей Выборгского района демонстрировало с большевистскими плакатами. За выборжцами следовала небольшая группа Бунда со знаменем «Доверие Временному правительству». Тот же лозунг был выставлен 4-м Донским казачьим полком и незначительной горсткой сторонников плехановского «Единства». «Святая троица»,—иронизировали в толпе. По выходе «троицы» с Марсова поля возмущенная толпа, не принимавшая участия в демонстрации, набросилась на несущих эти лозунги.

Рабочие и солдаты требовали свернуть ненавистные лозунги. Был сорван также висевший при входе на Марсово поле флаг с надписью «Доверие правительству».

Сотни тысяч рабочих и солдат выступили на улицах Петрограда под лозунгами большевиков: «Долой войну», «Долой десять министров капиталистов», «Вся власть советам». Под этими же лозунгами прошли в этот день демонстрации в Москве и в других городах России. Демонстрация 18 июня имела огромное значение: она показала, что лозунги большевистской партии глубоко внедряются в рабочие и солдатские массы. Даже самые реакционные газеты с горечью вынуждены были признать, что демонстрация показала «полное торжество большевизма» в среде петроградского пролетариата и гарнизона.

Меньшевистско-эсеровские руководители не случайно выбрали днем демонстрации 18 июня,—в этот день по указке союзников и русской буржуазии Керенский отдал приказ о наступлении на фронте, которое

было санкционировано съездом советов. Начавшееся на юго-западном фронте наступление после первых незначительных успехов закончилось полной катастрофой. Немецкие войска в свою очередь перешли в наступление и прорвали под Тарнополем фронт русской армии.

Наступление 18 июня привело к двояким результатам: с одной стороны, оно вызвало возмущение рабочих и солдатских масс в тылу и на фронте, а с другой—началась активная мобилизация буржуазно-генеральской контрреволюции.

> «Наступление,—писал Ленин,—означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а, с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны»[1].

После июньского поражения на фронте Временное правительство произвело жестокую расправу с фронтовиками, усмиряя вооруженной силой революционные полки, производя массовые аресты и заполняя тюрьмы солдатами. По предложению эсера Савинкова и генерала Корнилова, для восстановления «порядка и дисциплины» в армии восстановили смертную казнь и военно-полевые суды. Карательная политика Керенского—Корнилова окончательно разрушила армию. Никакие угрозы,

---

[1] *Ленин*, т. XXI, стр. 75—76.

никакие суровые меры уже не действовали. Наоборот, они вели к полному развалу. В армии началось массовое дезертирство, фронтовики-солдаты уходили в тыл и прятались по деревням. После июньского наступления в армии произошел решительный перелом в настроениях солдатских масс. В пух развеялись остатки оборонческих настроений; солдатские, крестьянские массы перестали слушать эсеровскую демагогию о «земле и воле» и все больше становились для них понятными и близкими лозунги большевистской партии. Этот рост влияния большевиков в армии тревожил русскую буржуазию, терявшую последние надежды повести за собой армию.

Временное правительство и генералитет решили использовать сложившуюся обстановку на фронте для того, чтобы расправиться с наиболее революционно настроенными частями в столице. В эти части посылались усиленные наряды для отправки маршевых рот на фронт. Особенно усиленные требования на отправку поступали в 1-й пулеметный полк, находившийся в Петрограде и настроенный наиболее революционно; правительство этим способом хотело избавиться от особо «неспокойного» полка.

21 июня полк устроил собрание, на котором обсуждалось создавшееся положение. На этом собрании была принята резолюция, в которой говорилось, что вместо 30 команд, согласно требованиям, на фронт посылается только 10 команд.

«Если Совет рабочих и солдатских депутатов будет угрожать,—говорится в этой резолюции,—нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также перед раскассированием вооруженной силой Временного

правительства и других организаций, его поддерживающих».

Не только у солдат, но даже среди рабочих настроение было таково, что они были готовы немедленно выйти на улицу. Угроза вывода воинских частей из столицы, известия о расправах на фронте, о репрессиях и восстановлении смертной казни возбуждали и активизировали рабочие массы Петрограда.

Буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты, как по сигналу, вопили в это время, что наступление на фронте провалилось по вине большевиков. Генералы требовали объявить большевиков вне закона.

Генералы и буржуазия рассчитывали вызвать после вывода революционных частей из Петрограда выступление рабочих и, разгромив их, разделаться и с большевиками. Большевистская партия разгадала, однако, замысел буржуазии и генералитета.

Недовольство рабочих и солдатских масс политикой Временного правительства с каждым днем возрастало. 1 июля в Центральный комитет большевиков явились делегаты от солдат и предложили немедленно начать вооруженное восстание для захвата власти. Но Ленин и Сталин считали восстание преждевременным и всячески удерживали петроградских рабочих и солдат от выступления, которое в тот момент было бы только на руку буржуазии.

В газетах «Правда» и «Солдатская правда» в эти тревожные дни был помещен ряд статей и обращений, убеждавших рабочих и солдат не следовать призывам к немедленному выступлению на улицы. Стихийное, неподготовленное выступление революционного авангарда, опередившее остальную массу, могло окончиться тяжелым поражением рабочего класса, которое замедлило бы развитие революции на значительное время.

«Партия большевиков хорошо знала настроение в воинских частях и на заводах. Она знала, сколько революционной энергии накопилось в низах. Но партия не считала обстановку созревшей для вооруженной борьбы, и не по инициативе большевиков массы вышли в июльские дни на улицу. Партия была против немедленного выступления. Еще 22 июня состоялось совместное совещание членов Центрального комитета, Петербургского комитета и военной организации большевиков, где было подчеркнуто, что сейчас невыгодно принимать бой»[1].

Однако все попытки удержать массы от выступления, вызванного недовольством политикой Временного правительства и соглашательством меньшевистско-эсеровского руководства советов, оказались безуспешными. 3 июля солдаты 1-го пулеметного полка, а за ними Московского, Гренадерского и других полков выступили на улицу. Товарищ Подвойский так рассказывает о попытке задержать пулеметчиков от выступления:

«До 5 часов в Пулеметном полку побывали 23 товарища, командированные Военной организацией для умиротворения полка. За каждой делегацией пулеметчиков в полки мы по пятам посылали своих товарищей, всюду старались ликвидировать начавшееся выступление. Во всех полках, кроме Павловского, наши товарищи имели успех, и к 5 часам выяснилось, что только Павловский полк ненадежен и что даже пулеметчики заколебались. Через 1½ часа после ухода наших товарищей из Пулеметного полка мы получили уведомление, что Пулеметный полк выступил и идет по направлению к дворцу Кшесинской».

У дворца Кшесинской, где помещался Центральный комитет большевиков, снова была сделана попытка

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 268, Огиз, 1936 г.

Расстрел июльской демонстрации в Петрограде в 1917 г.

остановить выступление. Говоривших против выступления товарищей—Свердлова и других пулеметчики встретили недружелюбно.

В то же время делегаты пулеметного полка объезжали части гарнизона и заводы. Эти делегаты призывали рабочих и солдат к выступлению. Вечером выступили на демонстрации 30 тыс. рабочих Путиловского завода, а также рабочие других петроградских заводов и фабрик. Во второй половине дня большинство заводов уже не работало, и рабочие вместе с солдатами вышли на улицу.

Меньшевистско-эсеровское руководство ЦИК ответило на выступление рабочих и солдат 3 июля принятым в ночь с 3 на 4 июля постановлением:

«...Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявим изменниками и врагами революции».

Несмотря на это запрещение ЦИК и грозный приказ командующего Петроградским военным округом генерала Половцева, демонстрация 4 июля имела грандиозный размах.

Это массовое и стихийное движение рабочих и солдат возглавила большевистская партия. В ночь с 3 на 4 июля Центральный комитет большевистской партии, убедившись в невозможности удержать от выступления рабочих и солдат, решил принять на себя руководство выступлением и придать ему организованный и мирный характер. В начале выступления рабочих и солдат Ленина в Петрограде не было. Он вернулся из Финляндии

утром 4 июля и полностью одобрил решение ЦК большевиков.

> «Выступление разыгралось,—говорил Сталин на конференции петроградской организации.—Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Мы учитывали возможность еще более серьезных результатов выступления, чем они есть на-лицо. Умыть руки мы не имели права; как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти»[1].

Иначе оценивал первый этап революции (Февральской) и июльские дни Троцкий; он оценивал по-меньшевистски тактику большевиков, направленную к созданию политической армии для социалистического октябрьского штурма. В своих «Уроках Октября» апрельскую демонстрацию он рассматривал как «разведку». Так же изображал он и последующую июльскую демонетрацию, заявляя, что «по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе развития». Теория «разведок» потребовалась Троцкому для того, чтобы возвести поклеп на партию и Ленина, что большевики, мол, еще в апреле и в июле располагали готовой политической армией из рабочих и крестьян, но не бросали эту армию на восстание, а вместо этого занимались «разведками». Это нужно было Троцкому для того, чтобы смазать всемирно-историческую значимость октябрьского штурма, руководящую роль партии в подготовке вооруженного восстания и организации армии пролетарской революции. Будучи пораженцем социалистической рево-

---

[1] *Сталин,* На путях к Октябрю, стр. 65, Ленгиз, 1925 г.

люции, Троцкий не верил в победу социалистической революции, он не считал необходимым готовить политическую вооруженную армию для свержения Временного правительства, для вооруженного восстания и клеветал в своих «Уроках Октября» на большевистскую партию.

Товарищ Сталин еще в 1924 г. разоблачил троцкистскую теорию «разведок» и троцкистские поклепы на Ленина и партию.

> «...У большевиков не было,—писал товарищ Сталин,—да и не могло быть в марте 1917 г. готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к октябрю 1917 г.) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 г., создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов» [1].

Утром 4 июля по всем заводам и фабрикам было разослано обращение большевистской партии о выборах делегатов по одному от каждой сотни, которые должны явиться в ЦИК и предъявить ему требование о взятии власти в свои руки.

На заседание ЦИК явилось 90 представителей от 54 заводов. С заявлениями выступили 4 представителя Петрограда и представитель Петергофского совета. Все представители заявили: 1) странно читать воззвание ЦИК, где рабочие и солдаты называются контрреволюционерами; 2) наше требование: вся власть советам; 3) земля должна перейти немедленно к крестьянам; 4) необходимо установить контроль над производством;

---

[1] *Сталин*, Об оппозиции, стр. 145, Гиз, 1928 г.

5) рабочие считают, что, пока соглашательская политика будет продолжаться, не может быть успокоения в стране.

Однако представители рабочих были просто выгнаны из зала заседания соглашательского ЦИК.

Демонстрация рабочих, матросов и солдат 4 июля проходила под лозунгом «Вся власть советам». Руководство этой грандиозной демонстрацией, в которой участвовало свыше 500 тыс. рабочих и солдат, безраздельно принадлежало большевистской партии. Большевики не только приняли самые энергичные меры, чтобы придать демонстрации организованный и мирный характер, но и организовали охрану демонстрации рабочими красногвардейскими отрядами на случай возможных провокаций. Эти меры охраны спасли тысячи жизней рабочих, солдат и матросов, а также населения во время провокационных нападений юнкеров и офицеров на демонстрантов.

Против демонстрантов правительством и меньшевистско-эсеровским руководством ЦИК были брошены юнкера, казачьи части, с балконов и крыш домов демонстрантов обстреливали из ружей и пулеметов офицеры и члены различных контрреволюционных организаций. С фронта правительством и соглашательским руководством ЦИК были вызваны надежные воинские части. Весь этот день на улицах Петрограда мостовые обагрялись кровью рабочих, солдат и матросов. Банды юнкеров и офицеров жестоко расправлялись с революционным народом. Эти же банды разгромили в ночь с 4 на 5 июля редакцию большевистской газеты «Правда», убили на улице выходившего из типографии рабочего-большевика Воинова.

Кровавая расправа с рабочими, солдатами и матросами была организована с ведома и при прямом участии меньшевистско-эсеровского руководства ЦИК и Петро-

градского совета. Меньшевистско-эсеровские пособники палачества обнаглели до того, что официально своим постановлением признали кровавый разгром июльской демонстрации как «меры, соответствующие интересам революции». Круг предательской и соглашательской политики этих руководителей ЦИК и Петроградского совета завершился прямым пособничеством и переходом на сторону буржуазной генеральской контрреволюции.

На другой же день после расправы с рабочими, солдатами и матросами все буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты подняли бешеную травлю против большевистской партии. Были сфабрикованы фальшивые документы, обвиняющие Ленина в государственной измене. Временное правительство вынесло постановление об аресте Ленина и предании его суду. На квартиру, где проживал Ленин, явилась толпа вооруженных юнкеров. Они шарили по всем углам, прокалывали штыками корзины, шкафы и сундуки, рылись в бумагах.

Ленин вынужден был перейти на нелегальное положение; он скрывался сначала под Петроградом (в Сестрорецке) в лесном шалаше, а затем товарищи переправили его в Финляндию. Меньшевики и эсеры вопили в своих газетах о том, что Ленин обязан явиться на суд. Троцкий, Каменев и Рыков также вторили им и требовали, чтобы Ленин предал себя властям и явился на суд. Но Сталин, Орджоникидзе и другие большевики настояли на том, чтобы Ленин на суд не являлся. Сталин прямо говорил, что явка на суд—это верная смерть для Ленина. Он понимал, что контрреволюция не выпустит из своих рук живым гениального вождя большевистской партии и рабочего класса.

Насколько прав был Сталин в определении угрожавшей Ленину опасности, свидетельствуют документы. Командующий Петроградским военным округом генерал

Товарищ Сталин провожает Ленина в Сестрорецк. С рисунка художника Романовича.

Половцев, организатор кровавого разгрома июльской демонстрации, пишет в своих воспоминаниях: «Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу...»

Не случайно, что буржуазная, а вслед за ней и меньшевистско-эсеровская пресса в эти дни вела «психологическую» подготовку к расправе над большевиками, пуская в ход самые чудовищные фальшивки, состряпанные руками контрразведчика Ермоленко, Щегловитова и царских генералов.

События 3—5 июля в Петрограде эхом прокатились по всей стране. В Москве и Иваново-Вознесенске демонстрации прошли под руководством большевиков, причем в Иваново-Вознесенске под влиянием рабочих вся власть фактически оказалась в руках советов. В Москве, несмотря на запрещение Совета, состоялась демонстрация рабочих на Скобелевской площади под лозунгом «Вся власть советам». 6 июля бастовало большинство крупных московских заводов и фабрик. В Москве так же как и в Петрограде началась бешеная травля большевиков; контрреволюционеры пытались было разгромить редакцию большевистской газеты «Социал-демократ», но были отбиты рабочими. Выступления солдат имели место в эти дни также в Нижнем-Новгороде, Киеве, Астрахани и других городах.

Июльская демонстрация была последней попыткой принудить советы мирно взять государственную власть в свои руки. Но руководители советов—меньшевики и эсеры не только отказались от власти, но и действовали как прямые пособники контрреволюции против рабочих, солдат и матросов, выступивших за советскую власть.

Меньшевики и эсеры объявили демонстрантов врагами «революции» и находившуюся в их руках фактическую власть передали контрреволюционному генералитету.

Июльские дни подвели итог мирному этапу революции; начался новый период революции, период острой классовой борьбы, переходящий в гражданскую войну.

Оценивая сложившуюся обстановку, Ленин писал:

> «Движение 3-го и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция»[1].

Указывая на невозможность мирного развития революции, Ленин и Сталин ориентировали большевистскую партию и рабочий класс на необходимость свержения диктатуры контрреволюции при условии завоевания партией большинства масс и успешного вооруженного восстания.

После июльских дней *период двоевластия кончился.* Власть находилась целиком и полностью в руках контрреволюционной буржуазии. Свергнуть это правительство можно было только вооруженным восстанием, и этот путь указывали рабочему классу Ленин и Сталин. Большевистская партия перешла к практической подготовке масс к вооруженному восстанию.

26 июля в Петрограде нелегально собрался VI съезд партии. Этот съезд большевистской партии был съездом подготовки Великой социалистической революции.

---

[1] *Ленин,* т. XXI, стр. 45.

«VI съезд имеет исключительное значение в истории партии. Он заседал перед новым подъемом революции. Апрельская конференция большевиков нацелила партию на перерастание буржуазной революции в социалистическую, VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание. Все резолюции и постановления съезда подчинены одной цели—обеспечить победу революции на новом этапе.

Ленина на съезде не было. Преследуемый Временным правительством, он вынужден был скрываться в подполье. Но Ленин был связан с руководителями съезда и давал им необходимые советы. Духом Ленина, его идеями, его твердым руководством и его прямыми, конкретными указаниями наполнены работы съезда, речи и выступления Сталина. Осуществляя дело Ленина, Сталин сплотил партию вокруг боевого и решающего вопроса—свержения буржуазного правительства и захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством»[1].

Победа Великой пролетарской революции была подготовлена и завоевана рабочим классом и беднейшим крестьянством под гениальным руководством Ленина—Сталина и великой ленинско-сталинской партии.

* * *

Октябрьская социалистическая революция разрешила «мимоходом» как «побочный продукт» задачи буржуазно-демократической революции, стоявшие перед рабочим классом России в феврале 1917 г.

«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их

[1] История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 320, Огиз, 1936 г.

до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая французская революция свыше 125 лет тому назад...

Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы»[1].

После Октябрьского штурма, установив свою диктатуру, рабочий класс под руководством ленинско-сталинской партии очистил до конца нашу великую страну от варварства царизма.

Победа социализма подняла миллионы угнетенных царизмом и капитализмом к новой, радостной, культурной жизни.

Нет ни одной страны в мире, где бы была такая свобода, как у нас, где бы народ располагал такими материальными средствами для развития культуры, где бы возможно было такое всестороннее развитие человека, как у нас.

Всемирно-исторические победы социализма, закрепленные в Сталинской конституции, воодушевляют, мобилизуют трудящиеся массы под руководством великого Сталина к дальнейшей победоносной борьбе за коммунизм.

---

[1] *Ленин*, т. XXVII, стр. 24, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Мировая империалистическая война _____ 6
Накануне революции _____ 39
Победа рабочих и солдат над самодержавием _____ 56
Почему буржуазия встала у власти _____ 78
На пути к Октябрьской социалистической революции _____ 107

Редактор *В. Слуцкая*
Ответственный корректор *П. Вейц*
Худ. оформление *С. Телингатера.*
Технический редактор *Н. Лебедева*
Сдано в производство 25 февраля 1937 г. Подписано к печати 10 марта 1937 г. Партиздат № 116. Уполн. главлита № Б-8231. Формат 84×108 1/32. 10 печ. листов. 35 000 зн. в 1 печ. листе. Тираж 50 тыс. Заказ № 1212. Бумага Камского бумкомбината.
Цена 1 р. 25 к. Переплет 50 коп.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 75 коп.

М 3111